

A black and white movie poster. On the left, a close-up of a man's face with a beard and mustache, looking intensely at the viewer. The background is a dark city skyline at night, with several skyscrapers illuminated. A large, jagged crack runs diagonally across the center of the image, resembling shattered glass. The title 'Алины Аркади' is in the top right, and 'АУС' is in the bottom right. A rating box and a circular '18+' icon are in the bottom left.

АЛИНА
АРКАДИ

АУС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алина Аркади
Аус
Серия «Перевозчики
и Охотники», книга 4

<https://litres.ru/74108028>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аус – Перевозчик, трудовая деятельность которого прервалась почти на 6 лет по причине ложного обвинения. Оказавшись на свободе, он стремится выяснить, кто виновен в смерти его жены. В его планы не входило спасение девушки, используемой в качестве связующего элемента, но теперь она в его доме и жизни, и отказаться от нее не так просто...

Вера – посредственный риелтор, не достигший особых успехов в профессиональной деятельности. У неё обычная жизнь, где есть работа, бытовые заботы и мужчина, в отношениях с которым не всё идеально. Из необычного лишь звонки со скрытого номера и молчаливый "собеседник", которому она изливает душу. Но всё меняется в один миг: Вера сталкивается не просто со сложностями, а отчаянно борется за жизнь. Теперь она в незнакомом доме без документов и денег, а помочь может лишь тот, кому сложно верить. А верить очень хочется, как и стать частью его жизни...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	32
Глава 4	46
Глава 5	60
Глава 6	74
Глава 7	94

Алина Аркади Аус

Глава 1

*хоть ты и привык говорить о своей судьбе с
трагизмом,
но если бы ты сидел перед богом на небе, словно
на интервью,
и тебе предложили новую жизнь из сотен
жизней,
ты бы снова и снова выбирал свою.*
Аня Захарова

Правила перевозок:

- 1. При регистрации Перевозчику присваивается уникальное имя, которое позволяет его идентифицировать. Имена не могут повторяться.*
- 2. Каждый Перевозчик имеет свою категорию: 1, 2, 3. Стоимость услуг напрямую зависит от категории. Перевозчик имеет право сменить категорию или работать по всем, о чём обязан оповестить Организацию.*
- 3. Заказ считается принятым в работу после согласия Перевозчика и внесения предоплаты в размере 50 % от об-*

щей стоимости услуги. Оплата производится любым удобным для Заказчика способом. Вторая часть вносится после выполнения заказа. В случае отказа от оплаты Заказчик вносится в чёрный список пожизненно.

4. Все риски, связанные с транспортировкой пассажира (посылки), Перевозчик берёт на себя.

5. Пассажир (посылка) должны быть доставлены в указанное место, несмотря на трудности, возникающие в пути. В случае невыполнения заказа в указанные сроки Перевозчик обязан вернуть предоплату и выплатить 20 % от общей стоимости услуги Заказчику за доставленные неудобства.

6. Перевозчик вправе аннулировать заказ на любой стадии выполнения в случае личного оскорбления или прямой угрозы жизни от пассажира. Заказчик заносится в чёрный список пожизненно.

7. Заказчик обязан оповестить Перевозчика о содержимом посылки (кроме документов и электронных носителей), если Перевозчик относится ко 2 или 3 категории.

8. Перевозчик использует личное транспортное средство, отвечающее качеству перевозок и удовлетворяющее запросы Заказчиков. Обслуживание и оформление необходимой документации является обязанностью Перевозчика.

9. Все Перевозчики, зарегистрированные в Организации, проверены и соответствуют заявленной категории.

Дополнение:

В случае гибели пассажира или утере посылки Перевозчик возмещает убытки любым удобным для Заказчика способом.

Вера

Вхожу в квартиру, бросаю ключи на комод и опускаюсь на круглый пуф. Откидываюсь затылком на стену и закрываю глаза. Несколько минут, чтобы отдышаться после непростого дня. Даже сапоги и пальто и не снимаю, замерев в одной позе.

Такие дни «размазывают»: несколько рейсов за город, чтобы показать то, что не будет куплено. Стаж работы в сфере продажи недвижимости у меня небольшой, но внутреннее чутьё всегда подсказывает, готов ли незнакомый человек приобрести дом или квартиру за несколько сотен миллионов. Сегодня не готовы. Ни один. Пустой день — как говорит Солóменко.

Заставляю себя открыть глаза и снять обувь. Минута передышки, чтобы избавиться от пальто. Ноги гудят, а в голове вакуум. Сегодня так много говорила, что, кажется, буду молчать до утра. Ещё и последний покупатель из серии пафосного быдла: заносчивый, грубый, глупый. И вообще, мне показалось, что он из тех, кто привык нарушать закон. Решил, что знает лучше и больше.

— Вот и продавай сам недвижимость... — бурчу, переодеваясь в домашний костюм.

Я с трудом сдерживалась полтора часа, чтобы не послать

«чудесного» покупателя к чертям с его запросами и комментариями. Обычный козёл, которому, по его мнению, все должны.

Плетусь на кухню, чтобы поставить чайник и позвонить Артёму. Гудки — и нет ответа. В последнее время мой мужчина стал задерживаться по вечерам, ссылаясь на обилие заказов. У меня же закрадываются сомнения в его верности, хотя подтверждений этому нет. Да и наши отношения начались девять месяцев назад, а спустя три он переехал ко мне, чтобы, по его словам, строить семью.

Но пока мы оба много работаем, планируя по вечерам нашу уютную жизнь, которая когда-нибудь настанет. Когда? После таких дней, как сегодня, хочется уткнуться в родную шею и отключиться от мира, чтобы собрать себя, немного подлатать, а завтра отправиться с новыми силами делать этот мир лучше.

Цокаю, услышав звук входящего звонка. Рабочего, потому как на коллег у меня стоит определённый звук.

— Да, Свет, — принимаю вызов и даю понять собеседнику, что готова услышать просьбу. С ней иначе не бывает.

— Вер, у меня тут ситуация...

Кто-то из родни попал в больницу, квартиру затопило или хомячок рожает? Света равно неприятности. Иначе никогда не бывает.

— Удиви меня, — ухмыляюсь.

— Брат попал в аварию. Живой, но несколько переломов

и много ушибов. Мне к нему надо, а Мартовна сказала, что отпустит, если я завтрашний показ на кого-нибудь перекину. Возьми, пожалуйста.

— У меня своих четыре. За городом.

Хочу соскочить с клиента Светы. Мне чужого не надо. Особенно если вдруг моё представление недвижимости станет решающим, и объект будет куплен. Комиссионные получу я, а Света после будет зудеть о несправедливости. Плавали — знаем.

— Мой недалеко от твоих. Коттеджный посёлок «Береговой».

— Недалеко? — Поперхнувшись чаем, прикидываю, что «недалеко». — Это километров сорок.

— Ну не в соседней же области, — громко цокает, хотя в её ситуации стоило бы вести себя более сдержанно.

— Позвони Эве. Или Алине.

— Звонила, — зло прыскает. — Они даже на мой звонок не ответили. — Да потому что знают: без повода ты не звонишь — едва сдерживаюсь, чтобы не высказаться. — Пожалуйста, Вер.

— О, ты просишь? Это что-то новенькое.

— Вер, *пожалуйста*. Мне действительно надо.

— Ладно, — сдаюсь, потому что на споры нет сил. — С тебя благодарность в виде торта.

— Договорились. Пока.

Знаю ведь, что не дождусь десерта. А ещё знаю, что на

следующей неделе очередной родственник Светы попадёт в больницу, а потом ещё... Если мне не изменяет память, у неё дядя раз шесть умирал. Или семь? В общем, она стабильно отправляет кого-то из семьи на тот свет, чтобы получить отгул. Странная...

Делаю ещё несколько глотков из кружки. Растекаюсь по стулу, так и сижу в темноте, прикрыв глаза. Устала: и морально, и физически. Где же Артём? Снова вызов и тоскливые гудки. Мог бы сообщение прислать, что задержится. А может, так лучше. Есть время на тишину и темноту.

Вновь звук входящего. Не Артём, и не коллеги, судя по рингтону. «Номер скрыт». Понимаю, что улыбаюсь. Вовремя. Всегда. Именно тогда, когда необходимо высказаться и сбросить на кого-то напряжение непростого дня.

— Слушаю, — принимаю вызов и прислушиваюсь. Щелчок, ставший знакомым за несколько месяцев. Я не сразу поняла, что так срабатывает зажигалка. — Хорошо, что ты позвонил... — Глубокий вдох, словно звонок от кого-то родного и важного. — Тяжёлый день сегодня был. Клиенты все как один странные... Нет, не так — неплатёжеспособные. Вот скажи, зачем люди едут смотреть дом за три семьдесят миллионов, если не имеют возможности его купить? Пустая трата времени. Моя, в первую очередь. А они ходят, спрашивают, обсуждают... Заняться мне, что ли, нечем? У меня и так продажи не самые лучшие, а ещё вот такие моё время отнимают. И зачем я согласилась на дорогую недвижимость?

Вон, продавала бы стандартные квартиры в городе, как Эва. Да, суммы небольшие, но зато постоянные. Каждый день: однушка, двушка, реже трёшка, но проскакивает. А я только километраж за город наматываю и машину убиваю. Кстати, машина барахлит... Стук какой-то: негромкий, но неприятный. Артёму сказала, но он, кажется, даже не услышал меня. На СТО заехать времени нет. Всегда не по пути и не вовремя. А надо бы. Вот встану где-нибудь на трассе, и кто мне поможет? — Вздыхаю, вновь уловив щелчок. — И Светка ещё... Опять позвонила и попросила взять её клиента. Ну что за человек? Она из пяти рабочих дней, три в отгулах: то одно у неё, то другое. Теперь брат в больницу попал. Хорошо, хоть не умер. За два года половину семьи похоронила, — прыскаю. — Нельзя так говорить, наверное... — тут же мямлю виновато. — Но она же врёт! Всегда врёт, понимаешь? И никто ей не верит уже, и всерьёз не воспринимает. Да и не сочувствует. Интересно, она действительно считает, что мы не запоминаем, сколько раз её дядя умер? Мы же не глупые. А Мартовна каждый раз её отпускает. И как отпрашивается? Ладно, всё равно завтра ехать за город, её клиента подхвачу, — оправдываю себя с усталостью в голосе. — Девчонки не поедут, у них показы по городу. А вообще, я устала... Поехать бы к морю. Хотя бы на неделю. И пусть сейчас март: воздухом подышать, шум волн послушать, просто по берегу побродить. Артём занят, ни о каком отпуске слушать не желает. А у меня по ощущениям ресурса вот столечко оста-

лось, — показываю двумя пальцами расстояние в несколько миллиметров, — тебе не видно, но поверь — очень мало. На месяц. Ну, максимум два. Еле ноги таскаю... — перехожу на шёпот и понимаю, что мой монолог всегда завершается внутренним облегчением. — Однозначно работу пора менять. И почему я когда-то решила, что могу стать классным риелтором? Бред. Не моё это. Совсем. Не получается у меня ничего. Ещё и Мартовна убедила, что я могу продавать особняки по четыреста миллионов. Вот с чего она это взяла? — И я помню, как просила поставить на сегмент попроще, вот только легче гору сдвинуть, чем что-либо доказать заместителю босса. — Опять я чушь несу какую-то. Думаю, ты всё-таки мужчина, потому что женщина вряд ли воздержалась бы от комментариев. Может, когда-нибудь ты ответишь, и я услышу твой голос... А может, больше не позвонишь. Я боюсь, что не позвонишь, — признаюсь несмело. — Даже не знаю почему. Это ведь странно: звонки со скрытого номера и тишина в трубке. Но у меня чувство такое, будто я с тобой парню своему изменяю. Хотя ни разу не видела и даже не слышала. Спасибо, что выслушал... — Мой тяжёлый вздох и понимание, что дольше меня слушать не будут. Поэтому произношу напоследок привычное: — Береги себя.

Отключаю звонок и отталкиваю телефон. Даже дышать стало легче, словно и не было напряжённого дня. Я словно на приёме у психолога побывала, где меня выслушали и поддержали.

Всё началось пять месяцев назад. Звонки со скрытого номера и тишина в трубке. Сначала думала, что ошиблись: раз, два, десять. Но он продолжал звонить. Не каждый день, но как только я видела надпись «Номер скрыт» уже знала, что будет.

Испугалась. Настолько, что взяла больничный и не выходила из дома две недели. Было страшно и странно. Начиталась историй про сталкеров и просто больных людей, которые преследуют женщин. Иногда даже не зная их, а просто увидев на улице и нарисовав в голове картинку «отношений». Ждала, что звонивший себя проявит, но ничего не происходило. Артём мои опасения всерьёз не воспринял, но я всё равно сходила в полицию. На меня странно посмотрели и отправили домой, посоветовав вспомнить бывших, с которыми мы неприятно расстались.

А у меня таких нет. Бывшие есть, но все они остались в Астрахани, да и мании преследования замечено за ними не было. На работу выйти пришлось. Я постоянно оглядывалась, всматривалась в лица прохожих и подмечала машины, которые вижу более двух раз. Даже попробовала выяснить, кому принадлежит скрытый номер — бесполезно.

И вот когда страх сковал меня настолько, что я стала дёргаться от каждого звука, вдруг осознала — ничего не происходит. Вообще ничего. Меня никто не преследует, не дарит странные подарки и не присылает угрозы. Только звонки. Редко. Тишина в трубке. Разбавляется лишь чирканьем

зажигалки.

Помню, как впервые осмелилась принять звонок, хотя почти месяц мгновенно их скидывала. Слушала тишину и, как мне казалось, чьё-то дыхание. И вдруг страх пропал, и мне стало интересно — а кто он? И почему звонит? Он не завершал звонок, ожидая этого от меня. Всегда от меня. Но по какому-то странному стечению обстоятельств мой загадочный собеседник появлялся в тот самый момент, когда внутри свербела необходимость выговориться. И я решила, а почему нет?

Первый раз говорила неуверенно, скомканно, но поняла, что собеседник не отключается. Казалось странным делиться переживаниями в пустоту. Несколько минут и сброс вызова. После размышления — а зачем? В следующий раз негодовала по поводу срыва хорошей сделки и тараторила пятнадцать минут. Он слушал. Не перебивал. Уверена — это мужчина. Так чувствую.

Спустя три месяца поймала себя на мысли, что жду его звонка.словно он необходимый кусочек пазла в моей разрозненной жизни, способный утешить и принести облегчение. Каждый раз, я будто на приёме у психолога, только молчаливого и бесплатного. Никаких комментариев, только звук зажигалки, как сигнал, определяющий собеседника. Наш особенный знак. Или я это придумала...

Я больше не боюсь. Страх покинул меня медленно и незаметно для себя самой. Я продолжила жить, ходить на работу,

строить отношения со своим мужчиной, только прибавился обязательный пункт, заставляющий рассказывать о своих переживаниях незнакомцу, звонящему со скрытого номера. И да, я уже прикидывала, что откровения могут закончиться для меня плохо, но ничего особенного не говорилось: ни имени, ни адреса, ни особых данных. Да и нет их.

Обычная жизнь среднестатистического человека: работа, отношения, редкие развлечения. И неизвестный, набирающий иногда мой номер. Почему? Задавалась этим вопросом много раз. Множество вариантов — от самых простых до фантастических. Ответить может лишь он.

Артёму о странных откровениях не сказала. Не знаю, по причине страха или стыда, но мой безымянный собеседник остался лишь моим. Да и не стоит никому знать, что я позволяю себе выговориться неизвестно кому.

Реагирую на звук открытия входной двери. Шорохи, тяжёлый вздох и фигура Артёма, застывшего в дверях.

— Ты чего в темноте сидишь?

Щёлкает выключателем, и яркий свет бьёт в глаза, заставляя жмуриться.

— Чай пью. Очень устала. Ты сегодня рано.

— Закончили раньше, — открывает холодильник и придирчиво рассматривает полки. — Приготовь что-нибудь поесть.

— Сил нет. Может, закажем доставку?

— Я не хочу доставку — я хочу домашнюю еду. Нормаль-

ную. Ту, что может приготовить моя женщина, то есть ты.

Кривая ухмылка на красивом лице озадачивает. Её я вижу впервые. Высокий, стройный брюнет, когда-то вызвавший у меня симпатию, сейчас окидывает стеклянным взглядом. Смотрю несколько минут молча, ожидая продолжения, но неожиданно на дне светлого янтаря проскальзывает нечто тёплое и родное, а затем он, будто поняв, что сказал, встряхивается и тянется к моей руке.

— Извини, я не это хотел сказать.

— А что хотел?

— Что хочу заботы. От тебя. Мы и так редко видимости по причине занятости.

— Твоей, — тут же его поправляю.

— Я много работаю, чтобы купить дом. И неплохо зарабатываю.

— Я не знаю, сколько ты зарабатываешь. — Поднимаюсь, чтобы налить воды в кастрюлю и поставить на плиту. — Я посмотрела среднюю зарплату по твоему профилю и получается совсем немного. — Достаяю из морозилки пачку пельменей.

— Мы с ребятами берём левые заказы. Устанавливаем охранные системы по цене ниже рыночной.

— И кто-то на это соглашается? — Вопросительно смотрю на него.

— А почему нет?

— Потому что левая система не подразумевает обслужи-

вания и выезда патруля в случае вторжения. Ну установил человек охранную систему и что? Уехал хозяин, например, за границу, в его дом влезли грабители, система сработала, и? — Развожу руками, предполагая, что он закончит мою мысль. — Отдать приличную сумму за то, что тебя ни от чего не обезопасит? Странно как-то...

— В большинстве случаев никто не полезет в дом, если по периметру установлены камеры. Иногда одного их наличия достаточно.

— Но не всегда.

— Это не наша проблема, — в голосе Артёма проскальзывает раздражение. — Мы предложили — клиент согласился.

— А как вы находите клиентов?

— Не понял.

Понял, только раньше я таких вопросов не задавала. Почему именно сегодня? Не знаю, но по какой-то причине хочется больше узнать о работе мужчины, с которым я живу.

— Вы же не заходите в каждый дом с предложением установки?

— Выполняем официальные заказы, но всегда есть сосед, который хочет также, но дешевле. Такие люди считают, что натывать камер по периметру равно безопасность.

— Но вы же предупреждаете, что это не так?

Стою спиной к Артёму, бросая пельмени в кипящую воду и помешивая.

— Вер, чего ты от меня добиваешься? — Подходит сзади,

обхватив меня за талию и прижав спиной к своей груди.

— Просто хочу знать больше о том, чем ты занимаешься. Ты много работаешь, приходишь поздно, а если наступит момент, когда вообще не придёшь? Куда звонить? С кем связаться? Где тебя искать?

— А зачем меня искать? — Разворачивает меня лицом к себе. — Я здесь.

Тянется к моим губам, кратко целуя, и гладит ладонью по спине. Момент нежности, которой мне так не хватает. В последнее время особенно.

— Я хочу в отпуск. Хотя бы на неделю. Пусть не на море, но где-то подальше от города. Провести время вдвоём, отключится от работы и привычной обстановки.

— Обещаю тебе отпуск, — трётся носом о мой, — в следующем месяце.

— Правда?

— Вряд ли с морем выйдет, но лес я тебе гарантирую.

— Буду ждать с нетерпением, — часто целую Артёма и улыбаюсь, предвкушая отдых.

Неопределённость изматывает, но когда тебе озвучивают сроки, становится легче дышать. Какой-то месяц и я смогу насладиться тишиной в его объятиях. Утыкаюсь носом в мужскую шею, наслаждаясь исходящим от него теплом, и перебираю пальцами овальный кулон. Интересная вещь. Антиквариат, как сказал Артём.

— Кипит, — кивает за мою спину, а я, охнув, убавляю

пламя.

Ещё несколько минут и тарелка с пельменями перед моим мужчиной. Да, не ужин мечты, но сегодня я гожусь только на это. Завтра нужно что-то приготовить. Несколько блюд, чтобы на неделю хватило.

Допиваю холодный чай и смотрю на Артёма, с жадностью уплетающего пельмени. Довольный и сытый мужчина становится мягче на глазах. И всё-таки он красивый: большие глаза цвета янтаря, прямой нос, острые скулы, придающие его внешности серьёзности, аккуратные губы и ямочка на подбородке. Замечаю, как на него заглядываются девушки, а их взгляды относительно меня наполнены завистью. Красавицей я себя назвать не могу, но каждый третий клиент обязательно расщедрится на комплимент, а бывают и те, кто не стесняется намекать на продолжение отношений вне офиса. Но я следую принципу — не смешивать рабочее и личное. Особенно до момента заключения сделки.

И пока Артём занят беседой с коллегой, иду в душ, а когда выхожу, застаю его спящим. Я надеялась на секс, которого у нас не было почти месяц по причине его усталости и возвращений за полночь. Но, видимо, снова не сегодня. Или же я перестала его возбуждать? Наши отношения свежие, не обременённые взаимными претензиями и ссорами, но всё чаще я ощущаю холодность, которую не могу объяснить.

Занимаю свою половину кровати и обнимаю Артёма со

спины, надеясь, что он проснётся и уделит мне внимание. Размеренно сопит, что означает — не сегодня. Утыкаюсь носом в его спину и понимаю, что очень устала. Тело медленно расслабляется, получив долгожданный отдых, а я проваливаюсь в дрему, почему-то думая о том, кто в моей жизни значится как «скрытый номер».

От автора. Дорогие читатели, приглашаю вас в свою новую историю: непростую, немного странную и наполненную событиями. Она войдёт в цикл «Перевозчики и Охотники». Однотомник, можно читать вне остальных книг цикла. Новые главы: **вторник, суббота.**

Глава 2

— Всем доброе утро, — врываюсь в офис, приветствуя двух блондинок — Эву и Алину.

— Привет. Тебе Светка вчера дозвонилась? — С ехидством в голосе интересуется коллега.

— Дозвонилась, — разочарованно выдыхаю. — И сегодня я еду в «Береговой».

— Вот зачем, Вер? — Стонет Алина. — Она же врёт. Нагло и слишком часто. Какая причина на этот раз?

— Брат попал в аварию.

— Это тот, что уже дважды тонул и трижды горел?

— Не знаю, — прыскаю смехом. — А когда это было?

— В прошлом году.

— Господи, — закрываю лицо ладонями, — она так всю семью похоронит.

— Ага, всех по несколько раз. Хорошо, хоть на похороны деньги не собирает, а просто отпрашивается.

Хохочем с девчонками, хотя тема не совсем весёлая. Но я почему-то уверена, что с каждым членом семьи Светы всё в порядке. Знают ли они, что регулярно становятся «покойниками»?

— Почему не работаем?

Ангелина Мартовна появляется в офисе настолько внезапно, что я опрокидываю кружку с кофе. Высокая, статная

брюнетка с недовольной гримасой на лице, для нас причина разъехаться по объектам.

— Готовлюсь к осмотрам, — трясущей кипой бумаг, — своим и не своим.

— Да, Света оповестила, что её объект возьмёшь ты.

— Вот скажите, Ангелина Мартовна, почему вы её отпускаете?

Девчонки награждают меня ошарашенными взглядами, потому что решиться на подобный вопрос женщине, воспринимающей всех, как угрозу, подобно самоубийству.

— Она умеет просить.

— А может, давить на жалость? Озвученные причины всегда являются ложью.

— Осокина, ты самая умная, что ли? — Приближается к моему столу и, оперевшись руками с острым чёрным маникюром, проживает озлобленным взглядом.

— Просто мне не нравится, когда меня принимают за идиотку с последней стадией склероза, потому что я помню, когда и сколько раз её родственники попадали в аварии, горели и тонули.

— Соломенко дал добро. Вопросы есть?

— Нет. — Понимаю, что слово директора непоколебимо. — А нам теперь тоже с вопросами отгулов обращаться к Сергею Сергеевичу?

— Нет. Ко мне.

— А почему?

Чувствую, сейчас я поплачусь за свой вопрос, потому что Мартовна вскипает на глазах, готовая вонзить острые ногти мне в глотку.

— Потому что я так сказала.

Фыркнув, разворачивается на высоченных шпильках и спешит забаррикадироваться в своём кабинете.

— Вер, нарываешься, — шепчет Эва. — Плюнь ты на них.

— Мне просто интересно, почему у одних сотрудников имеются привилегии, а у других нет. Сколько у неё продаж за прошлый месяц? А я отвечу — две. А премии всем выписаны одинаковые.

— А ты продай сегодня её объект и получишь комиссионные, — подмигивает мне Алина.

— Я свои-то продать не могу. — Встаю, беру пальто, сумку и папку с документами. — Я уехала, девочки, у меня сегодня три показа. Плюс Светкин.

— Удачи.

Да, удача мне точно не помешает. Направляюсь в коттеджный посёлок, раздражаясь от стука, который издаёт моя машина. Мне кажется или звук стал громче?

— Пожалуйста, только не сегодня, — вслух умоляю моё транспортное средство. — Давай отложим твои проблемы на выходные.

Не знаю, слышит ли меня автомобиль, но хочется верить, что сегодня я не встану посреди трассы.

Просмотр моих объектов проходит неожиданно быстро.

Отчаявшись продать хоть один из дорогих коттеджей, которые висят на мне больше полугода, еду в «Береговой». Я стараться не планировала, но карточку объекта распечатала и даже успела изучить. Двухэтажный дом триста квадратных метров с огромным благоустроенным участком сразу вызывает интерес.

— Почему владелец продаёт дом? — Интересуется солидный мужчина под пятьдесят, осматривая комнату за комнатой.

— Переезжает, — быстро отвечаю. — В другую страну. Необходимы средства, чтобы приобрести новое жильё.

— Документы в порядке?

Показываю интересующие подтверждения, получая одобрителный кивок.

— В любом случае вы можете привлечь своего юриста для проверки.

— Я так и сделаю, — мужчина прохаживается по внушительной и пустой гостиной, и каждый его шаг отдаётся гулким эхом. — Когда мы сможем оформить сделку?

Да ладно? Так просто? На минуту проваливаюсь в свои размышления, потому как не ожидала, что сегодня продам объект Светы. Кстати, объект внушительный и дорогой.

— Завтра вы можете подъехать в наше агентство, чтобы уточнить детали и обговорить удобные для вас дату и время совершения сделки.

— Я буду у вас в двенадцать. Со своим юристом.

— Хорошо. — А затем он разворачивается и покидает дом, а после и территорию. — Всего доброго, — кричу, понимая, что он меня не услышит. — Ничего себе...

Пищу и прыгаю на месте, а затем, отряхнувшись и сделав серьёзное лицо, иду к своей машине. Всё ещё не верю в удачу и мысленно благодарю Свету, которая сегодня взяла отгул.

— А не так всё и плохо, — бью ладонью по рулю, и моя машина отвечает частым и громким стуком. — Нет, нет, нет! Не надо!

Но мои уговоры не помогают, стук переходит в категорию «опасно», а я сбавляю скорость и съезжаю на обочину. Набираю Артёма, чтобы поделиться с ним случившимся, но он недоступен. Как всегда, последние пару месяцев. Ищу в интернете номер эвакуатора, но выскакивает оповещение, что через километр есть СТО. А я его не видела. Может, отметка устаревшая?

— Попробуем, — осторожно трогаюсь, удовлетворённо отмечая, что стука нет.

Но он появляется через несколько минут, вновь пугая меня звуком. Не обращая внимания, еду в направлении мастерской. Хотя бы она там была. А спустя долгие пятнадцать минут действительно вижу указатель. Стоит повернуть направо, в маленький населённый пункт, и проехать триста метров.

Останавливаюсь у вполне приличного одноэтажного здания с заметной вывеской нужного мне объекта. Нового и со-

временного.

— Есть кто-нибудь? — вхожу внутрь, обнаружив вполне обычное пространство, где занимаются ремонтом автомобилей.

В ответ тишина, разбавляемая негромкой музыкой, которая доносится из портативной колонки.

— Вам помочь? — За спиной раздаётся низкий бас.

— Фу-ф, напугали, — перевожу дыхание и оборачиваюсь, чтобы увидеть вполне обычного мужчину в синем комбинезоне и измазанными чем-то тёмным руками, которые он усиленно трёт куском тряпки. — У меня что-то в машине стучит. С трудом дотянула до вас. Посмотрите?

— Посмотрю.

А затем открывает ворота и просит заехать.

— Там стучит что-то, — указываю на переднюю часть. — Громко.

— Давно стучит? — И пока я собираюсь с мыслями, мужчина уже открыл капот и осматривает внутренности автомобиля.

— Пару недель. Но раньше негромко стучало, а сегодня перешло на гиперзвук.

— Мужика нет?

— Ч-что? — Теряюсь от неожиданности перехода с проблем транспортного средства на мою личную жизнь. — С чего вы взяли?

— Девушки, у которых есть мужик в таких местах, — об-

водит помещение рукой, — не появляются.

— Есть мужик, — произношу обиженно, — только он много работает. Нет у него времени на мою машину.

— А вот и зря, — вновь ковыряется под капотом, — всегда есть вероятность, что его может заменить тот, у кого время найдётся.

— Ну знаете... — торможу себя, чтобы не поссориться с единственным человеком, который может спасти мою машину, а заодно и меня. — Я к вам приехала не своего мужчину обсуждать. Вы помочь можете?

— Могу, — выпрямляется. — Необходимая деталь у меня есть. Работа займёт час, стоимость шесть пятьсот. Устраивает?

— Очень устраивает, — едва не прыгая от радости, потому что цена проблемы не так велика, как я предполагала.

Мужчина приступает к ремонту, а я звоню Мартовне, чтобы торжественно сообщить, что объект Светы продан, а завтра в нашем офисе появится покупатель. Она удивлена не меньше меня, но я напоминаю, что комиссионные мои, потому что уговорить клиента было непросто. Точнее, было очень просто, но знать начальству об этом не стоит. Пусть считает, что я выложились на максимум, чтобы заинтересовать покупателя и поставить напротив одного из пунктов в списке галочку.

Ещё несколько раз звоню Артёму, услышав уже знакомое «абонент недоступен», а затем просматриваю соцсети, чтобы

убить время, ожидая завершения ремонта.

— Всё, — объявляет мужчина. — Вы когда последний раз на техобслуживании были?

— Не помню, — пожимаю плечами.

— Значит, давно. Советую раз в три месяца наведываться в СТО, чтобы избежать неприятного стука.

— Торжественно клянусь, что последую вашему совету, — улыбаюсь и протягиваю ему деньги.

— Ага, забудете вы о своём обещании, как только окажетесь на трассе, — раздосадованно вздыхает, не веря мне.

И правильно делает, потому что я забуду. Нужно поставить напоминание в календаре: показывать автомобиль мастеру раз в квартал. Или как-то так.

— И ещё, — уже собираюсь сесть в машину, когда мужчина меня окликает. — Я тут нашёл вот такую штуку под капотом.

Показывает зажатый между пальцами чёрный квадратик без опознавательных знаков.

— А что это?

— GPS-трекер.

— А для чего он? — Кручу странный предмет в руках.

— Для отслеживания передвижения транспортного средства. Но этот с дополнительной функцией в виде записи разговоров. На телефон устанавливается приложение, подключается трекер, и пользователь может не только отслеживать перемещение, но и записывать неограниченное количество

коротких звуковых файлов.

— А как он попал в мою машину?

— Точно не случайно, потому что место для крепления выбрано грамотно. Даже если бы сами полезли под капот, не нашли бы.

— А кто его мог установить? — Всё ещё не верю, что кто-то следил за мной.

— Может, ваш мужчина?

— Зачем?

— Я же не знаю, какие у вас отношения. Может, он вам не доверяет.

— Скорее, я ему... — шепчу под нос, отрицая тот факт, что Артём следил за мной. Да, у нас не всё идеально, но никаких подозрений не было. Или были? — А как давно его поставили?

— Точно не скажу, но по толщине налёта на крышке, предположу, что месяцев шесть — восемь назад.

— Спасибо вам. — Засовываю трекер в сумку и застёгиваю молнию, чтобы не потерять. — И за машину, и за находку.

Выезжаю на трассу, всё ещё переваривая информацию о слежке. Зачем, а главное, кто? Артём? А смысл? Я ничего не скрываю и не лгу. Моя жизнь как на ладони: работа, дом, иногда посиделки в кафе с Алиной и Эвой. Но и в этом случае я уведомляю Артёма о встрече, а также уточняю место. Может, мой «скрытый номер»? Точно нет, потому как ма-

стер сказал, что трекер был установлен шесть — восемь месяцев назад, да и доступ к моей машине имел лишь мой мужчина. В голове месиво из предположений. Каждое следующее безумнее предыдущего. У меня обычная жизнь, не дающая поводов для слежки.

Направляюсь в офис, чтобы подготовиться к встрече клиента завтра. Череду предположений отложим на вечер, когда я смогу погрузиться в проблему с головой.

— Поздравляю, — Алина демонстративно хлопает в ладоши. — Продуктивный день.

— Согласна, — плюхаюсь в своё кресло с видом победителя. — Радует, что все комиссионные достанутся мне. Мне же? — Смотрю в упор на Мартовну, выскочившую из кабинета на звук голосов.

— Да. Всё честно. И Светлана была предупреждена о данном моменте.

— Завтра в двенадцать покупатель будет у нас, с продавцом я свяжусь и оповещу о встрече. Пакет документов на объект полный, дополнительных уточнений не требуется.

— Работай, — выдавливают Мартовна и оставляет нас.

— С тебя торт за удачно сложившуюся сделку, — подмигивает Эва.

— Замётано. А у вас как дела?

— Никак, — вздыхает Алина. — Пустой день.

— У меня так было последние пару недель. А сегодня повезло. Да и то объект не мой. Интересно, Света расстроит-

ся, когда узнает, что приличная сумма проплыла мимо неё по причине очередного вранья? — Хмыкнув, погружаюсь в подготовку к завтрашней встрече.

— Нисколько, — тут же откликается Эва. — Так уже было, только на твоём месте была я. Что сказала Света? «Успею наработаться, у меня вся жизнь впереди».

Ещё час в офисе, а после еду домой, по пути обдумывая, стоит ли спрашивать Артёма о находке в моей машине. Если трекер установил он, то зачем; если нет, то кто. Посматриваю на сумку, где находится тот самый предмет, а когда паркуюсь во дворе дома, достаю его и бросаю в бардачок. Не хочу тащить в своё жильё.

Квартира встречает тишиной, свидетельствующей, что мой мужчина ещё не пришёл. Набираю снова его номер, чтобы убедиться — недоступен. Да, такое бывало, но гудки шли, а спустя время он перезванивал с объяснениями. Но не сегодня.

Меня заполняет волнение. Вспоминаю вчерашний разговор и мои предположения, что в случае непредвиденной ситуации, у меня нет контактов для связи. Удивительно, но за время наших отношений, Артём меня не познакомил с коллегами, сославшись на исключительно рабочие отношения, не предполагающие совместное времяпрепровождение.

Эву и Алину я бы подругами не назвала, но у нас хорошие отношения, дополняющиеся частым общением. А вот мой единственный друг, Таня, несколько лет назад вышла

замуж и укатила за границу. Мы созваниваемся и поддерживаем общение, но не так интенсивно, как раньше.

Артём же ни с кем дружбой не связан, лишь периодическим общением. Объясняет это тем, что когда-то у него был друг, предавший его. С тех пор он соблюдает дистанцию в общении с людьми. Непростую для него тему обсуждать отказывается, как и делиться деталями из прошлого. Лишь иногда проскальзывают неизвестные нюансы, но мои уточняющие вопросы остаются без ответа.

Время близится к полуночи, а Артёма всё нет, и телефон по-прежнему молчит. Наматываю километраж по квартире, обдумывая, что делать. Прихожу к выводу, что можно начать с простого: обзваниваю больницы, а затем и морги на предмет нахождения у них Люманского Артёма Олеговича. Ничего. А если они выполняли заказ в соседней области? Только в какой?

— Думай, Вера, — даю наставление самой себе.

А что думать? Остаётся лишь ждать его появления и объяснений. Скорее всего, оно будет примитивным и уже привычным. Укладываюсь спать далеко за полночь, съедая себя переживаниями и напроочь забыв о трекере.

Глава 3

Артём объявился утром и виноватым голосом оповестил, что телефон разрядился, а рабочая машина сломалась, поэтому пришлось заночевать на трассе за городом. Объяснение меня почти устроило. Почему почти? Да потому что я радовалась и злилась одновременно. Радовалась, что он жив и здоров; злилась, что в очередной раз заставил меня волноваться. Пора сесть и поговорить о более внимательном отношении к друг другу, в частности, и об их развитии в общем.

У меня странное ощущение: словно он рядом, но мысленно всегда в другом месте. И если первые месяцы всё было хорошо, только последние три он отдалился. Короткие ответы, отсутствие объяснений, частые задержки и нежелание делиться сведениями о работе — наводят на мысли о другой женщине. Ещё и трекер... О нём я не спросила, желая побеседовать лично.

Но меня заинтересовала тема приспособлений для слежки. Лезу в интернет, найдя множество вариантов подобных трекеров с разными функциями. Их можно свободно приобрести, а настройка не требует особых навыков. Это что, получается можно следить за кем угодно? И пока ищу сведения, мне выскакивает реклама с предложением прослушки телефона любого пользователя.

Телефон... О нём я не подумала. А что, если и в нём что-

то установлено? Нервно сглатываю, перебирая в памяти все разговоры за несколько месяцев — ничего противозаконного. Но теперь хочу проверить. Нахожу множество лайфхаков проверки в домашних условиях, но все они не дают результата. Тут же имеется информация, что некоторые программы отслеживания являются сложными и недоступны для поиска обычным пользователем. Поэтому задаюсь другим вопросом: где найти знающего человека с необходимыми навыками?

И такой есть. Точнее, по найденным данным, целое агентство. И находится оно по пути в мой офис. Прикидываю, что встреча в двенадцать, а я успею заехать в нужное место. И пусть опоздаю, но я должна знать, что могу общаться без опасений.

Спустя полчаса на первом этаже торгового центра попадаю в нужный офис. Небольшой, с одним работником, который обложен телефонами и сосредоточен на одном из них.

— Добрый день. — Парень лениво поднимает голову. — Я нашла вас в интернете. Мне нужно проверить свой телефон на предмет прослушки. Это возможно?

— Возможно, если отслеживание производится с помощью программы, если же установлен дополнительный элемент в корпус телефона, вам в другое место.

— Ага... — не совсем понимаю, это «да» или «нет», но не ухожу, ожидая хоть каких-то пояснений.

— Телефон давайте.

— Я пробовала простыми методами, — протягиваю красный смартфон. — Ничего не показало.

Парень ухмыляется, всем видом показывая, что перед ним любитель, воспользовавшийся советами из интернета. Затем подключает мой телефон к проводу и приступает к работе. Только сопит и порхает пальцами по клавиатуре ноутбука.

— Есть! — восклицает победоносно.

— Что есть?

— Программа для прослушивания. И непростая. Устанавливал человек понимающий.

Я до последнего надеялась, что не являюсь объектом чьей-то заинтересованности. Неприятно и мерзко от мысли, что кто-то слушал, о чём я говорю и чем делюсь с близкими людьми.

— А что можно просматривать с помощью этой программы?

— Почти всё: звонки, сообщения, переписку в мессенджерах, запросы в поисковиках.

— А галерею?

— В том числе.

— А можно её удалить?

— Можно, но проще купить новый телефон.

— Почему?

— Потому что она настроена на самоудаление, в комплекте с которым идёт сброс телефона до заводских настроек.

Советую сохранить данные в хранилище, приобрести новый аппарат и скачать информацию.

Понимаю, что парень только что озвучил самый простой выход, но сути проблемы это не решает. Где гарантия, что новый аппарат останется чистым? И вообще, как и когда её установили?

— А когда она была установлена?

— В сентябре прошлого года. И да, это не быстро, то есть у специалиста должен был быть в запасе как минимум час.

Судорожно вспоминаю, что происходило в моей жизни в сентябре, отметив лишь одно нововведение — Артём. Вместе мы ещё не жили, но стабильно раз в неделю он оставался ночевать у меня. Кроме него, доступа к моему телефону никто не имел. И да, теперь «скрытый» отпадает автоматически.

— Скажите, а можно узнать данные скрытого номера? — Парень кивает. — Там во входящих два дня назад. Посмотрите.

И он смотрит, снова сосредотачивается на экране ноутбука и щёлкает по клавиатуре.

— К сожалению, помочь не могу. Это симка-минутка.

— Ч-что?

— Незарегистрированная. Её вставили в телефон, сделали звонок и выбросили. Или же воспользовались коммутатором, который перенаправляет сигнал.

— Звонки с неизвестного номера поступают мне раз-два

в неделю.

— Значит, ваш собеседник каждый раз использует новую сим-карту.

— А так можно?

— Для человека, который разбирается, это не является проблемой.

— Спасибо. — Забираю свой телефон и протягиваю ему деньги.

— Кстати, — окликает меня, когда я практически покидаю помещение, — единственное, на что не реагирует программа отслеживания — звонки со скрытых номеров.

— Почему?

— Видимо, тот, кто устанавливал, считал, что таковых не будет.

— Ещё раз спасибо.

Выскакиваю на улицу и делаю несколько глубоких вдохов. Это однозначно Артём. Больше некому: он имел доступ к моему телефону и машине. Мой сталкер отпадает, так как первый звонок со скрытого номера был примерно в ноябре. Но уточнение мастера меня радует: никто не знает, что несколько месяцев я делилась переживаниями с неизвестным человеком. Ничего особенного в моих рассказах не было, и всё же приятно осознавать, что меня слушал только он.

Направляюсь в офис, погружённая в собственные мысли. Однозначно предстоит разговор с Артёмом. Чем он закончится? Вряд ли полным принятием его объяснений. Но есть

и другой вариант: слежку организовал не он. В этом случае появляется знак вопроса. И ответа у меня нет.

Встреча проходит штатно, но радости по поводу продажи я уже не испытываю, потому что в моей жизни нарисовалась более существенная проблема. Остаток рабочего дня проходит спокойно, и я, отпросившись у Марковны, ухожу на час раньше.

Бреду в парк, сажусь на лавочку и думаю. Кто и зачем? И чем больше прикидываю варианты, тем омерзительнее себя чувствую. Какой-то человек или группа людей слушала мои разговоры и читала переписки, а ещё смотрела фото, заметки... Погано-то как.

В кармане вибрирует телефон, к которому я почти весь день не прикасалась. «Номер скрыт». Хочу сбросить звонок, но вспоминаю слова мастера и понимаю, что человек, набирающий мой номер раз-два в неделю, единственный, кому я могу выговориться.

— Привет, — вздох, сопровождающийся стоном, удивителен даже для меня. Но я жду привычного щелчка, который не заставляет себя ждать. — У меня кое-что случилось... — начинаю несмело, сомневаясь, что могу с ним поделиться. А с кем вообще тогда? — Вчера машина за городом сломалась, заехала по пути в СТО, а мастер нашёл GPS-трекер под капотом. А сегодня я побывала в салоне, и мне сказали, что в моём телефоне установлена отслеживающая программа. Нет-нет, ты не переживай, она на скрытые номера не настроена,

— спешу успокоить собеседника, хотя сомневаюсь, что ему это нужно. — Я не знаю, что теперь делать. Единственный человек, кто мог всё это установить — Артём. Больше никому. Хочу спросить у него, но не знаю, стоит ли. Как думаешь? — Привычная тишина и вопрос в пустоту. — Вот и я не знаю, — отвечаю сама себе. Уверена, если бы диалог был полноценным, вряд ли незнакомец решился ответить однозначно. — Я только не понимаю зачем. Если бы я давала повод для сомнений или же имела особый вид деятельности, а так, просто риелтор. Не самый лучший, кстати. Но дом вчера продала. Даже не свой, а Светкин, представляешь? Она попросила показать объект, а я продала. Иногда так бывает... — выдыхаю, сейчас не ощущая привычной лёгкости после исповеди незнакомцу. Слышу оповещение о входящем на второй линии, смотрю на экран, отмечая, что звонок с городского номера. — Так посоветуешь что-нибудь? — Усмехаюсь собственному странному вопросу, словно мой рассказ заставить заговорить того, кто молчал пять месяцев. — Не посоветуешь. — Закрываю и вновь смотрю на экран: мне всё ещё пытаются дозвониться. — Я с тобой прощаюсь, мне пытаются дозвониться, вдруг вопрос по какому-нибудь объекту. Телефон я поменяю, как посоветовал мастер, номер останется прежним. Береги себя.

Отключаюсь, но одновременно с этим завершается входящий на второй линии. И как только собираюсь перезвонить, снова вызов.

— Слушаю.

— Осокина Вера Николаевна?

— Да, я.

— Подполковник Павленко Андрей Витальевич, следственный комитет. Вы не могли бы подъехать ко мне, чтобы ответить на несколько вопросов?

Теряюсь, не понимая, по какой причине меня вызывают к следователю. Что я сделала?

— А по какому вопросу? — Спрашиваю осторожно.

— Серия ограблений домов, которые были проданы через агентство «Ваш этаж». Остальные сотрудники тоже будут вызваны на допрос.

— А я могу отказаться? — Глупый вопрос, конечно, но я хочу получить время, чтобы обдумать новую проблему. Будет уже имеющихся мне недостаточно...

— Не советую.

— Хорошо. Когда мне нужно явиться к вам?

— Если возможно, сейчас.

А затем он диктует адрес, а я прикидываю, что ехать минут пятнадцать.

— Буду у вас в течение получаса.

Звонок завершается, а я сжимаю в руке телефон, медленно принимая то, что сейчас услышала. Может, это мошенники? В новостях постоянно говорят, что они представляются сотрудниками правоохранительных органов, чтобы запугивать рядовых граждан. Поэтому звоню Мартовне, которая

подтверждает, что она, девочки и Соломенко должны явиться на допрос до конца недели. Что удивительно, она спокойна. Или мне кажется?

Еду в назначенное место, перемалывая запрос следователя. Ограбление дорогих особняков, которые были проданы через наше агентство. Ни о чём подобном я не слышала, по крайней мере, никто из бывших клиентов не звонил мне или кому-то из сотрудников. Или я не в курсе? Возможно, к Соломенко обращались, но нас он не оповестил.

На проходной объясняю, к кому и по какому вопросу пришла. Меня пропускают, указав этаж и номер кабинета, в который я стучусь через несколько минут.

— Войдите, — слышится низкий мужской голос.

— Осокина. Вы мне звонили около часа назад.

— Проходите. Присаживайтесь. Паспорт дайте.

Простой, небольшой кабинет с минимальным количеством мебели. И пока следователь снимает копию с документа, рассматриваю его. Передо мной мужчина: около сорока лет, худощавый, угловатый, но довольно симпатичный. Форма отсутствует, одет в чёрные джинсы и водолазку с высоким горлом, которое визуально делает его шею бесконечной.

— Как долго вы работаете в агентстве «Ваш этаж»?

— Чуть больше двух лет. Дату трудоустройства можно уточнить у руководства.

— Сколько объектов в неделю вы продаёте?

— По-разному. Иногда два дома, а иногда месяц ни одно-

го.

— Посмотрите, пожалуйста, — выкладывает передо мной фотографии, — какие из этих домов числились за вами?

— Этот, — указываю на особняк из белого камня, — и эти два.

— А остальные?

Рассматриваю картинки, но не уверена, что представленными объектами занималось наше агентство.

— В нашем каталоге я их не видела. Если только, они не из недавно выставленных.

— Хорошо, тогда поговорим об этих трёх, — оставляет лишь те, на которые я указала. — Эти дома были ограблены поочерёдно, один за одним с промежутком в несколько дней. Схема одна: сигнализация выведена из строя, дверь не взломана, точно знали, что брали.

— А что брали?

Смотрю вопросительно на мужчину, который не спешит отвечать.

— Предметы искусства, украшения, деньги. Сейф либо вскрывали, либо выносили полностью. Мы считаем, что грабители получали наводку.

— От кого? — Вполне логичный, на мой взгляд, вопрос. Он лишь склоняет голову набок, едва заметно улыбаясь, и я, наконец, понимаю... — Вы думаете, от меня?

— Риелторы имеют доступ к объектам.

— Ну знаете, — возмущённо прыскаю.

— Вера Николаевна, вы делились с кем-нибудь информацией о продаваемых объектах?

— С коллегами и начальством.

— Может, с подругой?

— Моя подруга живёт за границей, и её мало волнуют нюансы моей работы. А те, с кем я общаюсь, находятся со мной в одной кабине ежедневно.

— То есть, никому постороннему вы информацию не передавали?

— Нет.

— Подумайте, возможно, это произошло случайно, но значения вы не предали.

— Повторяю — нет.

Чего он добивается? Признания, что я наводчица? Зачем мне это? К тому же эти дома были проданы давно...

— А когда совершены ограбления?

— Три недели назад.

— Тогда странно... — перекладываю фотографии. — Эти дома были проданы больше полугода назад. Даже если бы я передала кому-то код охранной системы, где гарантия, что за шесть месяцев хозяин его не сменит? Я больше скажу, у меня был случай, когда через десять минут после подписания договора, на купленном объекте уже работала компания по установке охранных систем. И они заменили всё, даже камеры, которые в замене не нуждались.

— А ваше агентство сотрудничает с охранными органи-

зациями?

— Нет. Новый хозяин сам решает, к кому обращаться.

— Вера Николаевна, дело в том, что потерпевшие указывают на вас, точнее, на агентство, в котором вы работаете. С ними связывалась некая фирма, занимающаяся установкой охранных систем. Якобы они работают от вашего имени и готовы сделать работу со значительной скидкой.

— Повторю: мы ни с кем официально не сотрудничаем. Неофициально тоже.

— А вы знаете кого-то, кто работает в подобной организации?

И пока он собирает фотографии, складывая в папку, понимая, что могу назвать только одного человека.

— Да. Мой парень. — Ловлю на себе заинтересованный взгляд следователя. — Но никакой информацией я с ним не делилась.

— Вы уверены?

— Да, я могу разделить с ним радость после завершения сделки, сказав, что получу хорошие комиссионные, но не более. Да он даже никогда не интересовался, что и где я продала.

— Неужели ему неинтересно, чем вы занимаетесь?

— Интересно. В общих чертах.

Мужчина откидывается на спинку офисного кресла, сцепив руки на затылке.

— Как зовут вашего парня?

— Люманский Артём Олегович.

Записывает данные, видимо, чтобы проверить Артёма, как и всех сотрудников нашего агентства.

— Как называется фирма, в которой он работает?

— «Безопасность без границ».

— Давно он там работает?

— Около двух лет.

— А как давно вы состоите в отношениях?

— Девять месяцев. Точнее, три встречались, а потом стали жить вместе. У меня.

— Номер телефона Люманского продиктуйте. — Открываю контакт и называю цифры, чтобы следователь отметил у себя данные. — Спасибо, Вера Николаевна. Вы можете идти.

— Это всё? — Не двигаюсь, оставаясь на месте.

— Пока да. Если у меня возникнут вопросы, я вас вызову.

— До свидания.

Медленно иду к двери, а когда оказываюсь в коридоре, выдыхаю, наконец, понимая, в чём меня обвиняют. И мне эти обвинения не нравятся, как и намёки следователя, что я наводчица.

Еду домой, перемалывая беседу со следователем. Не знаю, кто указал на наше агентство, но Артёму я действительно никогда ничего не рассказывала. Общие фразы и впечатления без деталей. А если мой телефон прослушивали именно по этой причине? Надо было рассказывать следователю о трекеры и прослушке. Или нет? Тогда он точно решит, что

ограбления произошли по моей вине.

Нужно посоветоваться с Артёмом. Но прежде спросить о прослушке. И неважно, он это или нет, я хочу знать, что происходит. И вообще, пора поговорить о наших отношениях, которые заметно охладели. Может, он увлечён другой женщиной, а рядом со мной остаётся, потому что не может признаться?

Не о том ты думаешь, Вера. У тебя проблем по горло. Удивительно, но все они чудесным образом образовались за несколько дней. А началось всё с обычной поломки машины...

Звоню Артёму, чтобы уточнить, когда он вернётся. Уверяет, что будет дома через час и просит приготовить ужин. Умалчиваю о том, что планирую обсудить, обещая накормить любимого мужчину, и мысленно выстраиваю разговор, ещё не зная, чем он обернётся для меня.

Глава 4

Активно готовлю ужин, чтобы выплеснуть свою нервозность на кусок мяса и овощи, которые беспощадно кромсаю. Обещанный час почти истёк, но Артём не появился. И когда я уже готова набрать его номер, меня отвлекает звонок в дверь. И это странно, потому что у него есть ключи. Потерял?

Спешу открыть, приготовившись с порога задавать вопросы:

— Я думала, ты опо... — осекаюсь на полуслове, потому что передо мной двое мужчин.

Незнакомых и странного вида: высокие, широкоплечие и настроенные враждебно, что читается по их лицам. Такие вызывают опасения уже одним только видом, но что они забыли на пороге моей квартиры?

— Здравствуйте. Вам кого?

— Мужик твой где? — Вопрос без приветствия.

— Какой?

— Который здесь живёт. Или у тебя их несколько?

— Один. Артём. А в чём дело?

— Где он? — рявкает один из них.

— Скоро придёт.

— Значит, подождём.

Меня наглым образом отталкивают вглубь прихожей. С

учётом того, что войти я их не приглашала, меня раздражает негодование.

— Эй, покиньте мою квартиру! Вы кто такие? Что вам нужно? — Семеню за двумя фигурами.

Один из «гостей» осматривает две комнаты, кухню и ванную, убедившись, что я одна, и одобрительно кивнув второму, плюхается на стул.

— Вы меня не слышите? Убирайтесь! — Начинаю злиться, потому что нахалы плевать хотели на мои требования. — Я сейчас полицию вызову! — Хватаю телефон, но его сразу забирают, а я получаю пощёчину.

Тут же касаюсь места удара, ощутив жжение и боль.

— Заткнись, — нависает один из них надо мной. — Села! — Послушно опускаюсь на стул, растирая кожу. — Будешь молчать — дольше проживёшь, усекла?

Лишь киваю, осознав: гости злые и настроены враждебно. Меня пробирает страхом, потому что два мужика странно на меня посматривают. Оценивают или обдумывают нечто более ужасное? На глаза наворачиваются слёзы — от испуга и обиды, — но я не двигаюсь, чтобы не провоцировать их. Быстро стираю появившуюся влагу, чтобы не раздражать людей, настроенных враждебно, ещё больше. Хотя такие вряд ли способны на сострадание.

Один подходит к окну и осторожно раздвинув жалюзи, осматривает двор. Второй садится напротив, уткнувшись в телефон.

— Зачем вам Артём? — Решаюсь спросить.

— Твой хахаль кое-что потянул у нашего хозяина.

— Потянул? — Сомневаюсь, что поняла значение слова.

— Украл.

— Артём не вор, — защищаю своего мужчину. — Он честный человек, который работает и строит своё будущее, — вздёргиваю подбородок, уверенная в своём заявлении. — Вы ошиблись.

— Слышь, Кабан, а девка отшибленную из себя строит, — гоготнув, подмигивает мне. — А сама, наверное, хаты делала, чтобы добыть шмеля.

— Хаты делала? — Вновь непонимание. — Никому ничего я не делала. Я риелтор. Работаю, получаю зарплату и плачу налоги, как все нормальные люди.

Что-то из сказанного заставляет мужчин ещё больше напрычься и обмениваться странными взглядами.

— Кто ты, говоришь, риелтор? — Второй подходит ко мне вплотную, заставив сжаться от настораживающей интонации в голосе.

— Д-да...

— Так это ты нашему хозяину дом продала?

— Какой? — Шепчу, едва шевеля губами.

А затем один из них вытаскивает телефон и показывает фото внушительного загородного особняка. Объект не мой, но его я видела на фотографиях в кабинете следователя.

— Нет. Я таким объектом не занималась. И в каталоге та-

кого точно не было.

— Уверена? — Мужское, перекошенное сомнениями лицо, оказывается слишком близко к моему. Настолько, что я могу уловить аромат ментола жевательной резинки.

— Уверена. Но вы...

И меня прерывает проворачивающийся в замке ключ, и три пары глаз синхронно поворачиваются на звук.

— Не смей пищать, — мужчина обхватывает моё лицо ладонью, ощутимо сжимая и показывая, что готов применить физическую силу.

Они поднимаются и достают пистолеты, от вида которых я охаю, но закрываю рот ладонью, больно прикусывая кожу. Это не просто люди, которые хотят задать вопросы Артёму — они вооружены.

Артём входит, тут же столкнувшись с двумя мужчинами, которые значительно больше его. Несколько секунд обмена взглядами, а затем ему заламывают руки и тащат на кухню, уложив на стол лицом ко мне.

— Они сами вошли... — мямлю, виновато смотря на него.

Но в ответ на меня нацелен разъярённый взгляд, кричащий о презрении, и кривой оскал красивых губ. Он всё понимает — кто и за что. Моя убеждённость в его честности осыпается пеплом, которым я потом посыплю свою голову...

— Где то, что было в сейфе? — Один из мужчин встряхивает Артёма, приставив к голове пистолет.

— Ребят, давайте договоримся, — произносит спокойно

мой мужчина, всё ещё смотря на меня. — Я всё отдам. Это в соседней комнате. В ящике.

— Пошли.

Троица перемещается в комнату, а я, затаив дыхание, прислушиваюсь к звукам. Шорох, скрежет открывающегося ящика, который давно пора починить, глухие удары, а затем выстрелы. Несколько. Громко. Закрываю уши и, кажется, кричу. Или делаю эту мысленно?

— Заткнись, дура! — рывкает над головой знакомый голос, а затем меня встряхивают так сильно, что не успеваю сгруппироваться и бьюсь затылком о стену.

— Ты в порядке? — Вскидываю, осматривая Артёма. — Они... Где они? Что... Как? Кто стрелял?

Рву в комнату, застыв на пороге, потому что посередине два тела. Во лбу у Кабана дыра от пули: кожа отвратительно раскрылась, а из отверстия вытекает кровь. Второй мужчина лежит в тёмно-бордовой луже, которая увеличивается, заполняя собой щели в старом ламинате. Не дышу, а когда всё же решаюсь, лёгкие заполняются тяжёлым, железистым запахом. Мгновенно подкатывает тошнота, и меня выворачивает. А потом ещё раз, пока я не отворачиваюсь, покачиваясь и возвращаясь на кухню.

— Это ты их?.. — Не смотрю на Артёма, набирая стакан воды. — Нужно в полицию позвонить.

Беру трясущимися пальцами телефон, который один из мужчин оставил на столе, но Артём его тут же вырывает, бро-

сает на пол и втаптывает каблуком. Он разлетается на куски, а я не понимаю, что происходит.

— Ты зачем? — Сгребаю осколки, присев на корточки, и снизу вверх смотрю на мужчину. — Эти люди ворвались в мой дом... Нужно в полицию заявить. Позвонить следователю, который сегодня меня допрашивал.

— Какой следователь? — Дёргает меня, ставя на ноги, и больно сжимает руку.

— Из следственного комитета. Были ограблены несколько домов, которые продало наше агентство. Он сказал, что от нашего имени работала фирма, устанавливающая охранные сигнализации. Сказала, что знаю только одного человека из этой сферы — тебя.

— Что ты ему сказала? — Шипит, встряхнув меня. — Что, Вера?

— Твои данные и номер телефона.

— Сука! — Гаркает, испепеляя меня гневным взглядом.

Я больше не вижу перед собой человека, с которым мечтала создать семью и построить будущее, скорее, передо мной настоящий Артём, скрывавшийся под маской девять месяцев. Он мне не знаком, а ещё я его боюсь. Потому что опускаю взгляд, увидев зажатый в левый руке пистолет. Его собственный или принадлежащий кому-то из трупов?

— А ещё я была на СТО, и мастер нашёл в моей машине GPS-трекер. И о прослушке в телефоне я тоже знаю. Её мог установить только ты, — выдаю всё, что хотела сказать. —

Зачем ты за мной следил?

Он молчит, играя тугими желваками и зверея. Взгляд темнеет, покрываясь налётом ярости, которая вот-вот выйдет из-под контроля, уничтожив меня, как и мужчин, расставшихся с жизнью в соседней комнате.

— Поехали, — дёргает мою конечность, а когда оказываюсь перед ним, толкает в спину к двери. — Ногами передвигай!

— Я никуда не поеду, — сопротивляюсь. — Я хочу вызвать полицию и разобраться, кто эти люди и почему они пришли к тебе.

— Не зли меня, Вера, — обхватывает ладонью моё горло и приставляет пистолет ко лбу. — Заткнись и делай то, что я говорю.

— А то, что? — Понимаю, что провоцирую его, но надеюсь, что кто-то из соседей слышал шум и выстрелы, и уже успел вызвать полицию или хотя бы участкового. Мне лишь нужно их дождаться...

— Ты и так много сказала. Всем.

— Кому? Следователю? Или тем двоим? Ты действительно что-то украл у их хозяина?

— Одевайся! Нам нужно уехать.

Силой натягивает на меня куртку и подталкивает кроссовки, которые я отшвыриваю, потому что не хочу никуда ехать. Покинуть дом, значит, оказаться в неизвестности наедине с ним. И пусть у меня будут проблемы с полицией, я

хочу рассказать, как всё случилось, и выйти из этой ситуации потерпевшей, а не соучастницей.

— Я никуда с тобой не поеду!

Хочу прорваться обратно, отталкивая его, но Артём перехватывает мою руку, резко заламывает и бьёт кулаком в мою грудь. Резкая, пронзившая тело боль, останавливает дыхание. Я хватаю ртом воздух, совершая попытки получить кислород, и висну на мужчине, который продолжает тащить меня к двери. И теперь не сопротивляюсь, потому что не могу. С трудом перебираю босыми ногами, ощущая ступнями острые камешки и влажные бляшки, оставшиеся после принесённого кем-то с улицы снега. Рвано дышу, едва поспевая за Артёмом, а когда оказываюсь на улице и морозный воздух пробирается в лёгкие, ощутимо отпускает.

Появляются силы, чтобы продолжить сопротивление, но он заталкивает меня в мою машину, садится за руль и рвёт с места.

— Сиди тихо, — направляет пистолет, управляя автомобилем одной рукой.

— Я хочу вернуться домой. Ты можешь ехать, куда хочешь, — не оставляю попыток доказать, что нужно вызвать полицию и разобраться. — Я всё объясню полицейским. А если хочешь, могу сказать, что не знаю тебя, а эти двое ошиблись квартирой. Или подъездом. Или городом.

— Блядь, да ты заткнёшься! — Срывается на крик, а затем бьёт меня по голове пистолем.

Боль перемежается с писком и пульсацией в висках. Стону, обхватив голову руками, и сгибаюсь пополам. Сил хватает на мычание и борьбу с разноцветными искрами, вспыхивающими перед глазами. И я уже не слышу, что кричит Артём, сосредоточившись лишь на раздирающих меня ощущениях.

Не знаю, куда и сколько мы едем. Я в той же позе, радуюсь отступающей боли, которая перетекает в саднящие волны, но уже не такие уничтожающие, как в первые несколько минут. Наконец, расцепляю руки и пытаюсь выпрямиться: перед глазами пелена, смешанная со светом фар и приправленная белым горизонтом.

Артём резко бьёт по тормозам, и я, не успев отреагировать, прикладываюсь лицом о панель. Снова мой стон и понимание, что нужно бежать от мужчины, чтобы остаться в целости. Но как только во мне просыпается правильная мысль, дверь с моей стороны открывается, и моё тело резко дёргают. Вываливаюсь из машины, оказавшись на боку. Пытаюсь подняться и, уловив момент, когда он отходит, срываюсь с места.

Босые ноги утопают в снегу, а передо мной белая гладь. Не сразу понимаю, что мы в лесу. Перед глазами мелькают стволы деревьев, задеваю ветки, бьющие по лицу, но не останавливаюсь. Резко падаю ничком, словно подкошенная, не сразу понимая, что Артём догнал и ударил меня в спину.

— Куда собралась? — Тащит меня за ногу, а я ощущаю

спиной каждую неровность, потому что куртка, как и футболка задралась до лопаток. — Я ещё не закончил, — сопит, часто дышит, но не останавливается. — Здесь, — отпускает мою ногу.

Теперь я могу сесть и, привыкнув к темноте, понять, что окружающее пространство не изменилось.

— Зачем мы здесь?

— Ну ты же хотела в лес? — Прыскает презрением. — Я привёз тебя в лес.

— З-зачем? — Хотя вопрос глупый, потому что я медленно понимаю: лопата в его руке не для развлечения.

— Ты слишком много видела. И слишком много сказала, — пыхтит и начинает копать.

И ему это даётся непросто, потому как в марте земля ещё промёрзшая. Но Артём откидывает сначала снег, а затем приступает к организации могилы. Для меня. Но перспектива быть похороненной в этом лесу меня не устраивает, и как бы не было страшно, я хочу жить. Просто жить. Обычной жизнью среднестатистического человека. Я даже откину все попытки наладить личную жизнь, лишь бы не оказаться рядом с таким, как Артём...

Уловив момент, когда он полностью сосредоточен подготовкой ямы, вскакиваю, приготовившись бежать, но не успеваю сделать и двух шагов, как валюсь на землю. А затем получаю серию ударов по лицу. И это куда ужаснее, чем предыдущие издевательства. Боль перемещается сначала на губы,

затем на скулы, глаза...

Кричу и брыкаюсь, чувствуя, как кулак мужчины яростно опускается на моё лицо, пытаюсь превратить его в меси-во. Ещё и ещё, пока всё тело не превращается в пульсирующую адской болью точку. Хочется реветь в голос от раздирающих плоть позывов, но я вовремя понимаю, что любовью скулёж послужит триггером, который приведёт Артёма в ярость. Именно она станет для меня фатальной.

— Тварь! Не смей убегать! — Лупит меня ногами, попадая по рёбрам и животу.

Скрутившись в позе эмбриона, обхватываю голову и молчу. Останавливается, где-то надо мной растекается его хрип-ное дыхание, свидетельствующее о раздумьях, стоит ли до-бить ту, что не оставляет попыток сопротивления.

— Эй, — толкает меня ногой, — сдохла, что ли? — Снова удар. — Так тебе и надо, сука.

Возвращается к рытью могилы, а я так и лежу, не смея пошевелиться. Лицо покрыто чем-то липким и тёплым. Кровь. Не сразу понимаю, что это она. Тело пульсирует, давая по-нять, что его возможности исчерпаны. Вряд ли я даже на но-ги подняться смогу, не говоря уже о побеге.

Он оставит меня здесь. В месте, где никто и никогда не найдёт. Тот самый момент, когда понимаешь — никому нельзя верить, потому что эта вера может стоить тебе жиз-ни. Хочется выть от боли и безнадёжности, а ещё молить о спасении. Но лес и глубокая ночь надежды на чудо не остав-

ляет, как и вариантов избежать участи быть похороненной в наспех вырытой яме.

— Твоя могила готова, — произносит неожиданно, и я дёргаюсь. — Жива-а-а... — растягивает с предвкушением в голосе. — Тогда добавим.

И, прежде чем я успеваю осознать сказанное и приготовиться к обороне, на меня обрушивается новая серия ударов. Хочется выть и просить о смерти, чтобы раздирающая боль покинула тело, оставив облегчение. Я больше не могу закрываться и даже стонать. И надеяться не могу. Не знаю, почему меня не накрывает блаженная темнота и потеря сознания, как последствия болевого шока, но хочется отключиться, чтобы не становиться свидетелем завершения начатого...

— Какого...

Не понимаю, что происходит, но слышу, как кто-то бежит по снегу, орошая пространство хрустом. Артём ушёл или затаился? Стоит мне пошевелиться, как избиение продолжится. Ничего не видя, ощущаю, что рядом никого нет, а затем пространство разрывают звуки выстрелов. Снова. Но те двое остались в моей квартире, значит, у Артёма имеются ещё враги. И кто бы они ни были, пусть подарят мне время.

И пока он отвлётся, прилагаю максимум усилий, чтобы подняться. Тщетно.

Ползти. Куда угодно, но подальше отсюда. Что я и делаю, помогая себе всеми конечностями, которые отказываются

слушаться. Почему-то вижу лишь одним глазом, а левая рука почти не функционирует, а ещё больно дышать. Точно что-то сломано. Но об этом я подумаю после, когда пойму, что смогла выбраться. Если смогу.

Замираю, потому совсем близко улавливаю движение. осторожное, отдающееся едва слышимым шуршанием снежного покрова. Кто-то оказывается рядом со мной, замирая, а затем опускаясь на корточки и прикладывая ладонь к моей щеке. А у меня нет сил сопротивляться новому витку избиений, поэтому остаюсь без движения, прикидываясь мёртвой. Может, меня просто оставят здесь, решив, что я мертва?

Несколько минут чьего-то тяжёлого дыхания над моей головой, чтобы принять — моя жизнь оборвётся сегодня. И когда я уже мысленно готова ко всему, кто-то поднимает меня на руки и несёт. Держит осторожно, даже бережно. И это не Артём. Другой запах — смесь сигарет и морозного воздуха.

И если я думала, что меня скинут в яму и закопают, то неожиданно оказываюсь в машине на заднем сиденье. Оледеневшие босые ступни обматывают чем-то мягким и тёплым, а затем человек садится на водительское место, и машина трогается. Одним глазом много рассмотреть не получается: яркие огоньки сливаются в бесформенное пятно, а когда напрягаю зрение, чтобы оценить обстановку, моё рвение возвращается адской головной болью. Слышу щёлканье поворотников и тихую музыку. А ещё тишину: неприятную, страшную и лишаящую надежды.

Не двигаюсь. Потому что не могу. Я настолько обессиlena, что любое движение может оказаться фатальным. Никогда в жизни мне не было так больно, как сегодня. Никогда я не боялась так, как за последние несколько часов. Неважно, что произойдѣт дальше, я готова ко всему. Или так не бывает? Наверное, так выглядит безысходность, когда человек неспособен бороться, отдавшись во власть обстоятельств, судьбы и случайностей.

Как мне кажется, едем долго, и по неровной дороге: машина чуть подскакивает, и моѣ тело реагирует мгновенно, напоминая о событиях в лесу. Водитель не говорит, лишь иногда до меня доносится шѣпот, словно он беседует сам с собой. Прикидывает, где лучше меня закопать? Или я нужна ему для чего-то иного? И вот когда я уже смирилась с тем, что живу последние минуты, машина останавливается, а мужской голос произносит:

— Я нуждаюсь в ваших услугах.

Глава 5

Не подаю признаков жизни, даже когда меня снова берут на руки и куда-то несут. Шаги, шорохи, скрип двери, и я оказываюсь лежащей на чём-то твёрдом и холодном. Только сейчас понимаю, что на мне нет куртки. Осталась в лесу?

— Девочки здесь — редкость, — констатирует низкий мужской голос, отличающийся от первого. — Позову жену. Так будет более комфортно.

Для чего? Хочу спросить и даже открываю рот, но язык распух, не позволяя издать звук. Я даже не стону, ожидая ту самую жену, которая... А что она будет делать? В любом случае присутствие женщины успокаивает или же, наоборот, следует насторожиться?

— Привет, — обволакивающий мягкий женский голос раздаётся над ухом, а затем ладонь касается моего лица. — Меня зовут Алиса, и я постараюсь тебе помочь. Для начала осмотрю. Я буду осторожной. — Хочу кивнуть, но выходит лишь неловкое движение, от чего голова непроизвольно запрокидывается, а в затылок по ощущениям вбивают гвозди. — Не делай резких движений. Глаза открыть можешь?

Наверное, могу. Один точно. Картинка плывёт, но я всё же могу рассмотреть женщину с ярко-рыжими волосами, склонившуюся надо мной.

— Кто тебя избил?

— Мой парень, — хочу сказать именно это, но из меня вылетает набор странных звуков.

— Твой парень? — Как мне кажется, киваю. — Тот, что тебя привёз?

— Нет.

Понятия не имею, кто выступил в роли моего спасителя, но с уверенностью могу заявить, что не Артём.

— Я обработаю лицо, затем голову, а после посмотрю остальное. — Оповещает меня, видимо, чтобы я понимала последовательность её действий. — Для начала введу обезболивающее.

И последнее меня радует больше всего, хотя не уверена, что любое из существующих средств поможет.

Ощущаю касания к лицу, шее и голове, словно чувствительность точечная. Затем резкая боль в области переносицы и по щеке стекает тёплая струя, а после дыхание перекрывается и приходится открыть рот, чтобы вобрать порцию кислорода.

— Герман, — женщина повышает голос, видимо, уверенная, что владелец имени откликнется. — Нужен рентген. Хочу проверить рёбра, скуловые кости и челюсть. Переносица точно сломана, сотрясение мозга, прокушенный язык, по остальному не уверена.

Меня снова поднимают, чтобы переместить и насильно зафиксировать в положении лёжа. Спинай ощущаю твёрдую, ровную поверхность, но боль в груди требует перевернуться

набок, чтобы получить возможность дышать.

— Лежи так, — Алиса мягко надавливает на мои плечи.
— Десять минут потерпи.

И я терплю, потому как не вижу иного выхода. Мне стараются помочь, но я так и не поняла, где оказалась. Вероятно, меня привезли в больницу, но я не слышу иных голосов. Хотя в прошлом году, когда поскользнулась и думала, что у меня перелом, вечером в приёмной травмпункта тоже было тихо и безлюдно.

Снова перенос и удобная поза, позволяющая напиться кислородом и совладать с болью, образовавшейся в районе грудной клетки.

— Я закончила, — она кого-то оповещает. — По-хорошему, ей надо бы в больницу, чтобы избежать осложнений.

— В больницу нельзя: ни ей, ни мне. — Тот же голос, что я слышала в машине. Он принадлежит моему случайному спасителю.

И судя по ответу, мы в месте, где могут оказать помощь, которая является ограниченной. Но если у него могут быть свои причины для игнорирования официальных медицинских учреждений, то я ничем не ограничена. Или нет?

— Здесь необходимое на первое время. Сильнодействующие препараты я положила. Список. Покупай в разных аптеках, чтобы набор не вызвал подозрений. Нужна одежда, эту я разрежала.

Если я сейчас и голая, то не чувствую. Вообще ничего не

чувствую, как мне кажется. Наверное, благодаря введённому обезболивающему. Не успеваю развить мысль, как меня укутывают во что-то мягкое и настолько тёплое, что хочется стонать.

Снова заднее сиденье, тихая музыка и щёлканье поворотников. А ещё скрип руля и чирканье зажигалки. Несколько раз, пока автомобиль не останавливается. Вновь чьи-то руки сжимают моё искалеченное тело, а после осторожно укладывают на горизонтальную поверхность. Будто почувствовав, что это конечная точка в сегодняшнем ужасающем дне, резко проваливаюсь в блаженную темноту, наконец, отключившись.

С трудом открываю глаза. Точнее, один глаз. Настроить изображение получается не сразу, но сосредоточившись, могу рассмотреть пространство перед собой. Обычная спальня, коих множество в большинстве квартир. Взгляд упирается в шкаф-купе из светлого дерева с зеркальными вставками, а после перемещается на прикроватную тумбочку. По ней и понимаю, что я лежу на кровати.

Попытка пошевелиться заканчивается провалом. Движение рукой отдаётся глухой болью в области груди, а когда переворачиваюсь на спину, готова взвыть, но из меня вырывается лишь жалобный писк вперемешку со сдавленным хри-

пом. Каскад неприятных ощущений свидетельствует о том, что я жива, и, вероятно, женщина и помощь мне не приснились.

Не сразу, но удаётся вернуться в исходное положение, то есть набок, и вновь отключиться.

Снова пробуждение, но теперь я в другой обстановке. Напротив светлая стена, на которой висит огромный телевизор. Долго смотрю в одну точку, вновь пытаюсь пошевелиться, понимая, что за спиной преграда, а именно спинка дивана.

Чуть поднимаю голову и дёргаюсь, скуля от боли, потому что на стуле в метре от меня сидит мужчина.

— Не делай резких движений. — Голос мне уже знаком. — Ты причинишь себе боль.

Он перемещается вместе со стулом, оказавшись в том месте, куда минутой ранее был направлен мой взгляд. И теперь нет необходимости задирать голову, чтобы рассмотреть его. По-прежнему одним глазом, потому что второй не открывается.

Ему около сорока: средней комплекции, но с широкими плечами; приятное лицо, выражающее тотальное спокойствие. Правильные черты лица делают его привлекательным: уверена, восемь из десяти женщин назвали бы его красивым. Тёмно-русые волосы оформлены в аккуратную стрижку.

ку, несколько прядей падают на лоб, придавая простоты. Прямой острый нос, к кончику которого он то и дело прикасается; чувственные, но в меру пухлые губы. И глаза: светло-серые, лишённые насыщенности. Всё это дополняется бородой: недлинной, но хаотичной, даже растрёпанной. Смотрит сосредоточенно и одновременно настороженно, будто ждёт, какой будет моя реакция.

А я не знаю, как реагировать, что спрашивать и о чём думать, потому что сосредоточена на пульсирующей в районе груди боли. Алиса сделала мне укол, и стало заметно легче, но эффект оказался недолгим. Интересно, он может мне помочь?

— Мне больно, — наконец прерываю молчание, удивившись, что два слова вылетели из меня со странным звуком, словно нос полностью заблокирован.

Кажется, он рад, что я заговорила первой. Не знал, с чего начать?

— Боль будет отступать медленно, потому что много повреждений.

— Каких?

— Сотрясение мозга, сломанная переносица, выбитый зуб, прокушенный язык, трещина в ребре и много гематом на теле.

И пока он перечисляет, меня начинает трясти, потому что воспоминания откатываются в тот момент, когда Артём отработывал на мне удары, превращая в кровавое месиво.

— Не плачь, — касается моего лица, стирая слёзы. — Это только в минус. И не... — не успевает договорить, а я всхлипываю и тут же зажмуриваюсь, потому что в районе переносицы разливается жжение, простреливая в виски, — дыши носом. Только ртом.

— Боже, как больно, — хочу потрогать лицо, но он останавливает, насильно отодвигая мои руки.

— Не надо так делать. Сейчас поменяю зажимы.

Поднимается, а я всё-таки касаюсь лица, обнаружив на переносице какую-то пластиковую штуку.

— Это фиксатор, — объясняет. — Чтобы всё оставалось на месте.

— Кто его поставил?

— Алиса. После того как вправила кость. — И я описанного момента не помню. Или же не почувствовала? — Ты периодически отключалась.

Отключалась? По мне, так я всё время была в сознании, улавливая каждый звук и действие — полный контроль ситуации. Хотя странно говорить о контроле, когда любое движение ввергает в агонию, а тело неспособно совершать простейших действий.

— Правда? Мне показалось, она всё сделала быстро.

— Мы провели у Доктора четыре часа.

По моим прикидкам события сменяли друг друга с невероятной скоростью: два трупа в квартире, машина, лес, Артём, снова машина, Алиса...

— Кто они? Герман и его жена. Герман же? Алиса позвала его по имени.

— Да, Герман. Но все его знают, как Доктора. И они... — мужчина осекается, продолжая производить манипуляции с моим носом. — Врачи.

— То есть, мы были в больнице?

— Можно и так сказать, — отмахивается мнимым подтверждением. А затем чувствую, как по коже пробегает лёгкий холодок, растекающийся по щекам, глазу и подбородку. — Охлаждающая мазь, чтобы снять отёк. Тело тоже не мешало бы намазать, но я опасался тебя трогать. Положил на кровать, но во сне ты переворачивалась на спину и стонала, поэтому перенёс на диван, чтобы спинка ограничивала движения.

Мне не показалось, изначально он определил меня в другое помещение. Затем отметил, что место неподходящее и заботливо переместил в более комфортное. Почему мужчина, которого я вижу впервые в жизни, проявляет заботу? Мысль спросить, кто он, приходит с опозданием. С этого необходимо было начать разговор.

— Кто ты? — Вырывается одновременно с умозаключением, к которому я пришла с опозданием.

— Меня зовут Клим.

А дальше молчание и отсутствие каких-либо дополнений.

— Клим, и всё? А дальше? Почему ты решил мне помочь? Почему отвёз к Доктору? Почему сейчас заботаешься

обо мне?

— Вера...

— И знаешь моё имя.

— Я много о тебе знаю.

— Откуда?

— Ты сама мне рассказала.

Скрупулёзно всматриваюсь в его лицо, находящееся в максимальной близости от моего — оно мне не знакомо. Его я бы запомнила. Однозначно.

— Я тебя не знаю.

— Зато я знаю, что твоя лучшая подруга живёт за границей, Мартовна недолюбливает, а Света просит подстраховать, когда у неё «умирает» очередной родственник. А ещё знаю, о чём ты думаешь, переживаешь, мечтаешь. — Напрягаюсь, причиняя дополнительные болезненные ощущения. Тело требует собраться и подготовиться к защите, которая в моём состоянии невозможна. — Всё это ты рассказывала, когда принимала вызовы со скрытого номера.

— Это был ты...

Озарение. Настолько внезапное, что я начинаю задыхаться. Удивительно, но пока мой собеседник оставался абстрактным молчаливым образом, мне было комфортно. Слова летели в пустоту, давая видимость диалога и облегчения. Меня не заботило, как воспримет их человек, снова и снова набирающий мой номер. Но сейчас, когда слушатель передо мной, становится страшно и одновременно стыдно, а ещё

неудобно, потому что он знает обо мне слишком много.

— Зачем ты звонил?

— Чтобы оказаться в том лесу и не позволить ему тебя убить.

— Он почти это сделал.

— Моя вина. Потерял вас из вида и не сразу нашёл. Ему потребовалось всего полчаса, чтобы оставить на твоём теле все эти повреждения.

— Что с Артёмом? — Спрашиваю, вызывая удивление Клима. — Я не переживаю за его благополучие, если ты вдруг об этом подумал.

— Точно ранен. Насколько серьёзно, сказать не могу. Оказался очень шустрым.

Не знаю, умрёт ли он, но я хочу, чтобы Артём понёс наказание. Причины, по которым пострадала я, мне неясны, как и внимание Клима. Но всё началось с появления двух мужчин в моей квартире. Нет — всё началось с поломки машины.

— Я нашла на своей машине отслуживающий трекер и прослушку в телефоне, а ещё... — замолкаю, осознав, что это он знает. — Я тебе это говорила.

— Трекер поставил я, чтобы контролировать твои перемещения. Контакттировать не планировал, но в один из дней сигнал пропал. Решил, что обнаружила маячок. Позвонил, чтобы прощупать обстановку и понять, где ты находишься.

— То есть, ты за мной следил?

— Да, — отвечает, не стесняясь.

— Зачем?

— Вера... — шумно выдыхает, растирая лицо ладонями,

— я всё тебе объясню. Когда ты немного окрепнешь и сможешь трезво оценивать сложившуюся ситуацию.

— А сколько я здесь?

— Третьи сутки. Кстати, ты есть хочешь?

— Нет.

— А в туалет?

Вопрос ставит в тупик, потому как я не могу оценить потребности своего организма, а привычные сигналы отсутствуют.

— Тоже нет. Вроде как... А должна?

— Несмотря на боль, тебе придётся двигаться, иначе процесс восстановления будет долгим. Понимаешь?

— Наверное. Я таких травм никогда не получала.

— Я получал, и поверь, знаю, о чём говорю. — Усмехается, давая понять, что спор бесполезен, да и я вряд ли обладаю полезными аргументами. — Давай обработаем повреждения на теле, — машет перед моим лицом тубой с мазью.

— Давай.

Откидывает плед, под которым моё покалеченное тело в нижнем белье. Но его вид меня мало заботит, потому что каждое движение сопровождается тянущей болью в самых разных местах. Ощущение, будто всё это сливается в единый клубок, пробирающий пульсацией.

— Страшно выглядит? — Неспособность опустить голову

и рассмотреть себя одним глазом, заставляет спросить мужчину.

— И похуже видел. Только на мужчинах.

— Ты врач?

— Нет. К медицине я не имею никакого отношения.

Наносит мазь, даря секундное блаженство в виде лёгкого холодка на коже. Его движения осторожные, даже трепетные, будто он касается небезразличного человека, страдания которого стремится облегчить.

— А чем ты занимаешься? — решаюсь спросить, чтобы разбавить напряжённость ситуации.

Он знает обо мне многое, а я о нём ничего.

— Я водитель.

— Это твой дом?

— Арендванный. Квартира в городе, но я там появляюсь несколько раз в месяц.

— Ты сказал Алисе, что нам нельзя в больницу. Почему?

— Тебе сейчас нужно затаиться.

— В моей квартире два трупа, и я бы хотела объяснить полиции, что не имею к ним отношения. А ещё у меня нет документов и телефона.

— Ими сейчас пользоваться опасно.

— И денег тоже нет.

— Это тебе должно волновать меньше всего. Необходимое купим.

Отвечает, не отвлекаясь от процесса, обрабатывая уча-

сток за участком и спускаясь к животу. А я злюсь, потому что Клим не спешит прояснить ситуацию, хотя именно я пострадавшая, получившая значительные увечья.

— Клим, — окликаю мужчину, и он мгновенно дарит мне своё внимание, замерев в неоконченном движении, — я хочу понять, почему оказалась здесь.

— Повторю: я всё объясню, но позже.

— Когда?

— Когда ты поешь.

— Договорились.

Проблема в том, что в данный момент есть не хочется. Хочется спать. Получив однозначный ответ с чёткими временными рамками, успокаиваюсь и закрываю глаз. Зрительное напряжение перетекает в головную боль, отдающую в виски и затылок. Сил хватает лишь на частичное ощупывание травмированных участков, а когда вновь оказываюсь замотанной в плед, предварительно получив укол, радуюсь теплу.

Тихие шаги Климa исчезают, а вместе с ними и ощущение безопасности. Я же прокручиваю в памяти события, вследствие которых я оказалась в доме моего спасителя и прикидываю, что делать дальше. Без информации, которая доступна Климу, — ничего. У меня нет документов и денег, даже телефона не имеется. Хотя последний бесполезен, так как прослушивается.

Трекер установил Клим. Значит, мои звонки контролировал Артём. Кто он? Вор или честный человек, оказавший-

ся заложником сложной ситуации? Мысленно усмехаюсь, вспомнив, как рьяно он копал мне могилу... Он хотел от меня избавиться, потому что? Ответа на этот вопрос у меня нет. Но почему-то уверена, что он имеется у Клима.

Клим... Редкое имя и однозначно ему подходящее. Привлекательный мужчина с бархатным голосом, мягкими руками и пугающе тоскливым взглядом. Кто он и почему стал частью моей истории? Я обязательно узнаю, а пока снова проваливаюсь в темноту, чтобы не чувствовать медленно отступающую боль.

Глава 6

— Привет, — произношу, как только открываю глаза.

Именно глаза. Оба. Да, второй позволяет мне смотреть через тонкую щёлочку, но я радуюсь, что отёк немного спал, а моё состояние улучшается.

— Как себя чувствуешь? — Интересуется Клим, осторожно убирая с моего лица волосы.

— Второй глаз открылся, значит, уже лучше. Я долго спала?

— Двенадцать часов. Уже почти обед.

Поворачивает голову, сподвигнув меня проследовать взглядом туда же: большое окно защищено римскими шторами, сквозь стык которых просачивается полоска света. Несколько минут сосредоточения нашего внимания на собственных мыслях, а затем я украдкой рассматриваю его, отметив красивый профиль, сеточку морщин в уголках глаз и глубокий шрам на шее, словно кожу чем-то ковырнули. Чувствует мой взгляд, поворачивает голову и награждает меня вымученной полуулыбкой. Хочу совершить аналогичное действие, но мгновенно ощущаю натяжение пересушенной кожи губ.

Хочу увидеть своё отражение в зеркале. И пусть картинка меня шокирует, но принять ситуацию визуально необходимо. Пока я знаю о повреждениях только со слов Клима.

— А можно мне в ванную? Если она здесь есть.

— Есть, — встрепенувшись, встаёт и убирает стул. — Отнести или попробуешь встать?

— Для начала хотя бы сесть.

Переполненная решимостью, откидываю плед и, упираясь в диван ладонью, поднимаю своё тело, чтобы занять положение сидя. Слишком резкое движение для той, что провалялась три дня, отдаётся головокружением и тошнотой.

— Не так резко, — Клим придерживает меня за плечи. — Плавно. Если больно, сразу говори. Можешь опереться на меня.

Что я и делаю, вцепившись в его руку. Неимоверных усилий стоит моему организму попытка встать на ноги, потому что они отказываются сотрудничать. К тому же на ступнях тоже имеются повреждения. Вполне логично, если учесть тот факт, что Артём вытащил меня из квартиры без обуви.

Шаг, второй, третий... Каждый стоит неимоверных усилий; каждый отдаётся глухой болью в разных частях тела.

— Больше не могу, — утыкаюсь лицом в его плечо.

Молча поднимает меня и несёт прочь из комнаты. Успеваю отметить длинный коридор, одинаковые двери со вставками из мутного стекла и приятный интерьер. Окна зашторены, поэтому общий вид недоступен.

— Умыться или в туалет? — Спрашивает, застыв в дверях.

Довольно большая ванная комната, где расположились ду-

шевая кабина, джакузи, раковина со столешницей из тёмного камня, унитаз и даже писсуар.

— Умыться, — отвечаю, не раздумывая, потому как нестерпимо хочется увидеть своё отражение в квадратном зеркале.

Подносит меня к нужному месту, а убедившись, что я уверенно стою, опершись на столешницу, отпускает. Я же поднимаю глаза, а там...

— Боже... — вырывается из меня на выдохе.

Моё лицо походит на отбивную. Во всех смыслах этого слова. Фиолетово-бордовое месиво, за которым скрываюсь настоящая я. На переносице белый зажим, а в ноздри вставлена клипса, которая, видимо, и позволяет с трудом, но дышать. Под глазами растеклись фиолетовые синяки: на левом — значительный отёк и верхнее веко нависает пухлым валиком, а правый затянут кровавой плёнкой. Губы в ссадинах и ранах. Хочу немного улыбнуться, чтобы посмотреть, в каком месте я лишилась зуба, но попытка заканчивается фиаско. На щеках, подбородке и лбу кровоподтёки, а над бровью рана, стянутая швами. Касаюсь её пальцами, и тут же переключаюсь на конечности: костяшки сбиты, а левая ладонь забинтована.

Опускаю взгляд ниже, отметив, что спортивный топ выдержал истязания, только пропитан кровью. На груди, животе и боку повреждения в виде гематом и порезов, а ещё остатки засохшей крови и грязь.

И последнее, что вызывает мой жалобный стон — волосы: взъерошенные, спутавшиеся, с застрявшим в них мусором. Радуюсь небольшой длине — чуть ниже плеч, — иначе вряд ли когда-нибудь смогла бы распутать. Ощупываю голову, напикнувшись на повязку на затылке. Не знаю, на чём она держится, но в этом месте я останусь лысой.

— Это ужасно, — закрываю глаза, поделившись впечатлениями вслух.

— Вера, — привлекает моё внимание Клим, поэтому открываю глаза и смотрю на него в отражении, — главное, что ты жива. Всё это, — указывает на моё лицо, — временно. Швы на лице снимем через пару дней, а синяки сойдут.

— Кажется, что такое не заживает, — произношу обречённо.

— Тебе кажется, — тянется за чем-то, вновь оказавшись за моей спиной. — Пока ты лежала, не мог тебя перетянуть, но сейчас самое время.

— Перетянуть?

— У тебя трещина в ребре. В этом случае необходимо наложить тугую повязку, — показывает в зеркале тканевый свёрток.

Киваю и расставляю руки шире, позволяя Климу просушить руки под моими и начать процесс обматывания. Первый виток даётся просто, а затем он стягивает мою грудь так, что я перестаю дышать.

— Больно, — шепчу.

— Так нужно.

Напоминаю себе, что так нужно для меня самой, и всё же хочу крикнуть, чтобы он остановился. Давлюсь слезами и тихонько скулю от боли, ожидая, пока он закончит.

— Готово. Теперь можешь умыться.

Просто сказать, потому что теперь я с трудом могу наклониться. Включаю воду, набираю в ладони и смачиваю лицо. Несколько раз, пока не избавляюсь от остатков крови. Полощу рот, вспомнив о повреждениях языка. Вытаскиваю его и рассматриваю в зеркале: отчётливые следы зубов в нескольких местах.

— В туалет хочешь?

— Наверное...

Ответ неоднозначный, потому что в данный момент моё тело не подаёт привычных сигналов. Ползу к унитазу, а пока обдумываю, как сесть, понимаю, что Клим остаётся рядом.

— Может, выйдешь?

— Уверена, что помощь не нужна?

— Не уверена, — отвечаю честно. — Но попробую сама.

Он лишь кивает и выходит за дверь, я же прикидываю, как сделать свои дела, чтобы не покалечиться ещё больше. Получается сесть и совершить необходимое, и даже встать, чтобы сразу почувствовать головокружение и, растопылив руки, попытаться сохранить равновесие.

— Клим! — Надеюсь, что буду услышана.

Мужчина врывается и подхватывает меня, обхватив за та-

лию и удерживая в вертикальном положении.

— Держу. Всё получилось?

— Да, — впиваюсь пальцами в его плечи. — Придётся тебе снова меня нести.

Он выше меня почти на голову, поэтому мой взгляд сейчас упирается в тот самый шрам. На нём обычная футболка и штаны, и не имеется никаких украшений. Почему-то сразу вспоминается кулон Артёма, с которым он не расставался.

Поднимаю голову и встречаюсь с его встревоженным взглядом. Он излучает спокойствие и уверенность, словно каждый день спасает каких-то женщин от смерти и привозит в свой дом. Хотя нет, дом арендованный. И мне бы его бояться, как совершенно незнакомого человека, но ведь именно с ним я месяцами делилась мыслями, переживаниями, эмоциями... Кажется, я даже с Артёмом не была настолько откровенна, хотя мы проживали на одной территории. Именно момент доверия не даёт разыгаться во мне страху, и я продолжаю цепляться за Клима.

— Есть хочешь?

— Не знаю. Наверное, нужно.

Мой организм упорно молчит, не подавая сигналов голода. Но я понимаю, что три дня довольно существенный срок, и пища нужна.

Клим снова поднимает меня и несёт по коридору, сворачивает в противоположную от моего убежища комнату, где расположилась кухня-гостиная. И она настолько просторная,

что вмещает даже мягкий диван, на котором я и оказываюсь. Мне приносят плед, позволяя укутаться, словно в кокон, и наблюдать за тем, как мужчина наливает в тарелку что-то жидкое и ставит в микроволновку.

— Приготовил суп. Лучше начать с жидкой пищи.

— Как скажешь. Я не в том положении, чтобы перебирать предложенным.

Через минуту передо мной журнальный столик и тарелка. Нюхаю содержимое — ничего. Мой нос в нерабочем состоянии. Точно помню, что в лесу ощущала запах Клим, когда он нёс меня в машину. Или показалось?

— Ты куришь? — Спрашиваю, проглотив первую ложку и скривившись, почувствовав неприятные покалывания языка.

— Да.

— Я не сразу поняла, что срабатывает зажигалка. Но этот звук стал для меня сигналом, что звонишь именно ты. — Его губ касается лёгкая улыбка, я же, наверное, заливаюсь румянцем, радуясь, что на моём повреждённом лице его точно не видно. — И кстати, я ем. — Смотрит непонимающе. — Ты сказал, что поделишься деталями, когда я захочу есть.

— С чего начался тот вечер? — Клим отходит к окну, открывает створку и прикуривает сигарету. Внимательно смотрю: я спокойно отношусь к тем, кто курит, но запах не люблю. — Ты всё равно ничего не почувствуешь, — указывает на нос, а я удивляюсь: он словно мысли мои прочитал.

— Я ждала Артёма. В дверь позвонили, я подумала, он ключи потерял... Ввалились двое, сказали, что мой мужик что-то украл у их хозяина.

— Имя назвали?

— Нет. Но показали дом на фото и спросили, не я ли его продавала.

— Ты?

— Нет. Такого объекта в нашем каталоге не было.

— Дальше.

— А дальше пришёл Артём, сказал, что отдаст украденное, и повёл их в комнату. Спустя несколько минут на полу лежали два трупа.

Картинка, которая вызвала тошноту тогда, сейчас почему-то воспринимается равнодушно.

— Уточнили, что он украл?

— Нет. Но они странные слова говорили, я не совсем поняла их значение.

— Какие?

— Хаты делала... И ещё... — зажимаюсь, вспоминая упомянутое насекомое: — Про шмеля что-то...

— Добыть шмеля?

— Точно!

— Делать хату — ограбить квартиру, добыть шмеля — украсть большую сумму.

— То есть, Артём — действительно вор?

— Вера, — тушит окурок, берёт стул и садится напротив,

— он не просто вор, а вор с фантазией.

— Это как?

— Представь, что есть человек, который решил обогатиться посредством краж. Но не пойдёшь же грабить любую квартиру? Да и в любой может ничего не быть. Век цифровых технологий и карт — люди больше не хранят деньги под матрасом. Значит, нужно найти ту, где есть чем поживиться. Как её найти?

Напрягаюсь, заставляя мозг, который больше смахивает на кисель, трудиться. И у меня нет вариантов.

— Не знаю. Как вариант, общаться с состоятельными людьми и узнавать, что они хранят дома. Или общаться с теми, кто общается с состоятельными людьми, например, с обслуживающим персоналом: горничной, садовником, поваром. Как-то так, по-моему.

— А может, лучше общаться с риелтором, который продаёт элитную недвижимость состоятельным людям?

Клим смотрит вопросительно, я же медленно понимаю, куда он ведёт. Точнее, к кому.

— И? Узнал ты, что я продала дом богатому человеку, а дальше? Договор подписан, деньги переведены, ключи получены, и я больше никак не связана с объектом.

— Неправильно, Вера. Ты продала дом, а через два-три дня новому владельцу звонят из некой фирмы и предлагают установку охранной системы. С большой скидкой, почти даром. Поверь, даже очень состоятельные люди не откажутся

от приятного бонуса. Предложение от твоего имени. А затем говорят, что можно позвонить тебе и уточнить, точно ли они сотрудничают.

— Так, стоп, таких звонков точно не было.

— А вот тут включается двойник, то есть звонят тебе, а переадресация идёт на нужного человека, который, копируя твой голос с помощью программы, беседует с заказчиком. И прослушка нужна, чтобы быть в курсе всех деталей общения риелтора и покупателя. Они устанавливают систему и копируют блок подключения, чтобы в нужный момент войти.

— А откуда они знают, что у этого человека что-то есть? Такие люди не хранят деньги под матрасом.

— А где хранят? — Его бровь подскакивает, подкидывая очередную загадку.

— В сейфе... — шепчу.

— Правильно. Скажи, сколько раз тебя спрашивали о наличии сейфа в доме?

— Почти всегда.

— У человека, купившего дом за шестьсот миллионов, однозначно есть, что туда положить, верно?

— Верно. — Соглашаюсь и понимаю, что часть покупателей пострадала, потому что именно я была их риелтором. — Следователь сказал, что кражи произошли недавно, а дома я продала больше полугода назад. Почему они так долго ждут?

— Люди не сразу заселяются в новое жильё. Например, делают ремонт и перепланировку, или ждут удобного момен-

та. Им нужен факт полного переезда, то есть понимание, что в сейфе точно имеется что-то ценное.

— А как они узнают, что ценное есть?

— Они же установили охранную систему, а вместе с ней и камеры, к которым можно подключаться.

— Точно... Обалдеть... — Прикидываю, сколько сил и времени тратится на то, чтобы найти объект для кражи. Но видимо, результат стоит таких усилий. — Как ты всё это узнал?

— Я вышел на них восемь месяцев назад, точнее, начал искать и сопоставлять данные. За почти десять лет они поработали в восемнадцати регионах страны. Всегда один сценарий: несколько риелторов на конкретном виде объектов, установка систем, ожидание, кражи.

— Несколько? — Хватаюсь за одно слово, хотя сказал Клим немало.

— А ты думала, что единственная? — Ухмыляется, поселив внутри гадкое чувство, свидетельствующее, что меня использовали, а я даже не поняла.

— Сколько?

— В этом городе трое. Поэтому он «задерживался» на работе — остальным тоже нужно было уделять внимание.

Вот так просто «остальным тоже нужно внимание». Женское самолюбие бьёт копытом, а обида душит, потому я действительно рассматривала Артёма, как спутника жизни со всеми вытекающими, а оказалось, что рассматривали меня.

Исключительно в качестве полезного элемента для достижения цели.

— За ними ты тоже следил?

— Да.

— И звонил им? — На повестке множество проблем, но тот факт, что Клим подолгу выслушивал кого-то ещё, злит. Даже в такой ситуации мы хотим быть единственными.

— Нет.

Внутри разливается блаженное облегчение. Странное и даже пугающее, но очень сладкое.

— Почему ты меня слушал? — Незаметно опустошив тарелку, занимаю удобное положение, при котором могу дышать.

— Первый звонок был необходимостью, а потом... — устремляет взгляд в сторону, видимо, не имея ответа на мой вопрос. А может, и не стоило спрашивать? — Две недели ты не выходила из квартиры — проверял, всё ли хорошо. Когда ты впервые выговорила, опешил, но не отключился, позволив поделиться личным. Думал, что могу узнать что-то о нём и объектах, которые могут стать целью. Периодически дежурил у твоего дома, специально выбирал время, когда ты была одна.

Исключительно для пользы дела... Ещё один мужчина, который использовал мою откровенность.

— Тебе было противно слушать? — Решаюсь на вопрос, который образовался в моменте.

— Наоборот. Даже интересно. Особенно про Свету и её «покойных родственников». Кстати, её я пробил. Вся родня жива и «хоронит» друга с завидной регулярностью. Так что это семейная забава.

— Правда? — Хихикаю, приложив ладонь к груди и контролируя эмоции, чтобы не усугубить состояние. — Обязательно расскажу Эве и Алине, когда... — осекаюсь, понимая, что могу никогда не вернуться к прежней жизни. — Я никогда не смогу жить, как раньше, да?

— Сможешь, Вера, но... — напрягающая пауза, не предвещающая ничего хорошего, — когда он будет либо за решёткой, либо мёртв.

— Почему Артём решил меня убить?

— Потому что ты обнаружила прослушку и рассказала о нём следователю. А также стала свидетелем убийства тех мужчин.

— Я думала, что трекер на машину установил тоже он.

— О трекере ты ему сказала?

— Да.

Клим подскакивает, почёсывает затылок и отходит к окну. Упирается ладонями в подоконник, а лбом в стекло.

— И если сложить всё вместе, то получается пиздец, — произносит негромко, но я слышу, не совсем понимая, что с чем сложено в его голове.

— Что «всё»?

— А ты подумай.

— Не могу я думать, — растираю виски, — у меня голова болит. И рёбра. Вообще, всё болит. — Но в связи со сказанным, напрашивается вывод: — Для Артёма я ненужный свидетель. Поэтому он хотел меня убить. — Для меня всё логично, но не для Клима, судя по впивающемуся в меня взгляду. — Но ведь он не знает, выжила ли я. Поищет и поедет в другой регион. Всё.

— Нет, Вера, не всё. — Подходит, отодвигает столик и присаживается на корточки. — Ты нашла прослушку и общалась со следователем, став ненужным свидетелем для Артёма. А затем сказала о GPS-трекере, автоматически вызвав множество вопросов: кто за тобой следил, с какой целью и не связано ли это с ним. И поверь, второе его беспокоит больше, чем первое. Если бы ты умерла, решились обе проблемы. Подтверждения нет, а значит, он будет искать. Плюс некто, у кого Артём украл нечто настолько ценное, что его вычислили. И нашли. В твоей квартире, — указывает на меня пальцем. — А дальше те, кто нашли, превратились в трупы, а ты и твой сожитель пропали. Будь уверена, теперь ты интересна хозяину мёртвых ребят. Сюда же добавь следователя, который сначала тебя допрашивает, а через несколько часов выезжает в твою квартиру, где погром и два тела. А значит...

— Меня будут искать, — сглатываю, наконец, понимая, что я в тупике. — Все они. — Сглатываю, наконец, осознав, что Артём — меньшая из проблем. — И что мне делать?

Логичный вопрос, вот только ответа нет. До конца не прояснившееся сознание, выводимое из строя приступами боли в разных частях тела, отказывается принимать, что всё это происходит со мной. Вчера жизнь была привычной и понятной, а сегодня я без документов в чужом доме и компании незнакомого мужчины. Скажи мне об этом неделю назад, покрутила бы пальцем у виска.

— Я пока и сам не понял, — тяжело вздыхает, возвращаясь к окну и прикуривая следующую сигарету.

— А зачем Артём тебе? Ты искал его и следил. Он обокрал твой дом?

С одной стороны, Клим не походит на человека, который купит элитную недвижимость, а с другой... Артём тоже не был похож на вора с большим стажем.

— Можно и так сказать. У меня есть вопросы, и я хочу получить ответы.

— Ты следишь за ним восемь месяцев, время спросить было.

— Для того, чтобы он был откровенным, нужно либо предложить взамен нечто равноценное, либо поймать его с поличным и применить грубый шантаж. Ни первого, ни второго пока не случилось.

— Почему?

— Потому что он работает не один. Группа, примерно пять-шесть человек, если исходить из фронта работ по подготовке. Лицом торгует только он, остальные за кадром. От-

слеживать его передвижения я могу лишь через женщин, — указывает на меня, — как ты понимаешь, прослушку на его телефон воткнуть не могу.

— А трекер?

— Было. Нашёл практически сразу. Так я понял, что свою машину он проверяет ежедневно.

— И как ты найдёшь его теперь? Через остальных женщин?

— Они отработаны. — Сразу прикидываю, что её могила вырыта рядом с моей, но Клим спешит пояснить: — С их домами он уже почти закончил.

— А с моими?

— Они присматривают всегда больше объектов, чем обносят по факту. Видимо, прикидывают, какая цель выгоднее. На данный момент отработаны шесть, из них три твоих.

— Будут ещё?

— Обычно восемь — десять объектов, затем затишье на несколько месяцев, а после появление в другом регионе и подготовка к «новому делу». Но в этот раз всё немного иначе.

— С грабежами?

— С ними тоже. Но для начала с женщинами. В «отношениях» он долго не задерживается: два, максимум три месяца, определение объектов, а после он исчезает. Рядом с тобой он провёл девять. Может, влюбился?

— Нет, просто я паршивый риелтор, — морщу нос и

мгновенно вспоминаю, что так делать нельзя. — Он выбрал неудачную цель.

— Если бы он выбрал другую, сейчас ты здесь не сидела бы.

— Мы с Алиной сидели в кафе. Болтовня и кофе в перерыве между показами. Он подошёл, сделал комплимент, завязалась беседа. Как правило, мужчины обращают внимания на Алину: привлекательная, стройная блондинка. Но он почему-то отдал предпочтение мне.

Тогда я восхитилась, как Артём подошёл к нам, представился и предложил познакомиться, не опасаясь, что будет отшит. Но он знал, что я свободна, потому что предварительно собрал информацию.

— Несмотря на осознанность поиска конкретной цели, своим вкусовым предпочтениям он не изменяет.

— Каким?

— Шатенка, невысокая, хрупкая, но с формами.

Мои формы выдающимися назвать нельзя, но и каких-либо комплексов исходя из размеров, я не испытываю. Хотя в данный момент, если взять в расчёт моё искалеченное тело, о привлекательности говорить вообще не стоит. Я и так испытываю дискомфорт, потому что чувствую себя грязной после приключений в лесу, но попросить Клима искупать меня не могу. Неудобно...

— Хотела спро...

— Мне пора ехать, — смотрит на часы. — В город. Вер-

нужно через пару часов. Здесь ты в безопасности. Что-нибудь привезти?

Он ждёт, встав напротив и склонив голову набок, я же никак не могу сообразить, нуждаюсь ли в чём-то.

— Немного одежды. Если можно. Самое простое.

— На улицу ты выйдешь нескоро, так что с одеждой решим другим способом: выберешь в онлайн-магазине с доставкой на пункт выдачи. Заберу, когда поеду в следующий раз на работу.

— Работу?

— Да, я работаю грузчиком, — поясняет, оказываясь в коридоре и скрывшись из вида.

— Мне показалось, или ты говорил о работе водителя? — Точно говорил, насколько я помню, или же меня подводит не до конца прояснившееся сознание?

— Говорил, — возвращается, натягивая свитер. — Одно другому не мешает. Два раза в неделю работаю на складе грузчиком. Для галочки. — Странно, конечно, но останавливаюсь в желании расспросить. — Пожелания по еде будут? Может, что-то особенное?

— Буду рада всему, что ты приготовишь. Сама я пока вряд ли смогу.

— Я и не требую, — в голосе проскальзывает нервозность. — Посмотри телевизор или просто отдохни. До вечера.

— До вечера... — мои слова гаснут в пустоте, потому что шаги Клима становятся тише.

Где-то раздаётся щелчок двери, а с улицы слышится звук рычащего двигателя. С трудом и не сразу поднимаюсь, что-бы, шатаясь, доползти до окна.

Это действительно частный дом, территория которого окружена высоким, глухим забором. Во дворе стоит чёрный внедорожник, который и издаёт рычащие звуки. Ворота откатываются, и машина сдаёт назад.

И пока преграда едет обратно, пытаюсь осмотреть те части территории, которые видны с моего места. Слева в нескольких метрах круглая беседка с мангальной зоной, накрытый бассейн и декоративный фонтан. Между объектами просматриваются извилистые дорожки с бордюрами, а в глубине участка имеется как минимум ещё одно строение. Возможно, это не всё, и пространство позади дома тоже достаточно функционально.

И зачем одному человеку такой большой дом? Может, у него есть семья или множество друзей, с которыми он здесь отдыхает? Не хотелось ставить Клима в неловкое положение своим присутствием.

И пока отмечаю детали за окном, ощущаю едва уловимый, но неприятный запах. Принимаю, радуясь, что мой нос способен чувствовать, а затем понимаю — «аромат» исходит от меня. А Клим меня носил на руках... Но всё решемо — ванная комната имеется. Хватит ли у меня сил справиться с купанием? Нужно сделать задуманное, пока мужчина отсутствует, и я могу стонать и ругаться на саму себя, не опасаясь

быть услышанной. Главное, не добавит себе ещё травм.

Глава 7

Добраться до своей комнаты, точнее, до места, куда меня определил мужчина, оказалось непросто. Долго сижу на диване, собираясь с мыслями и силами. Может, подождать, пока я не смогу уверенно действовать? Нет. Клим покидает дом дважды в неделю, а мыться под его надзором я не планировала.

Да, он меня спас. Да, оказал медицинскую помощь, но купать меня он не обязан. Да и для меня самой это станет неловким моментом. Поэтому нужно сделать запланированное.

— Попробуем... — не сдерживая стон, поднимаюсь и думаю о том, что нужно было попросить обезболивающее.

Сейчас я могу скулить сколько угодно, не опасаясь быть услышанной. Выровнявшись, мгновенно вспоминаю, что рёбра повреждены, и возвращаюсь в исходное положение, а именно — сгибаюсь почти пополам. Так и крадусь по стенке в направлении ванной комнаты. Четвёртая дверь слева, если мне не изменяет память.

Любопытство подстёгивает заглянуть в другие помещения, но я его притормаживаю, не желая тратить силы, которые припасены для иного.

А вот и ванная, уже знакомая мне. Имеются полотенца и даже мужской халат, что только мне на руку. Не хочется

надевать пропитанные кровью вещи на чистое тело. Выбор стоит между джакузи и душем, и я выбираю второе, посчитав вариант более безопасным. Не знаю, на самом ли деле это так, но попробуем...

Снимаю повязку, вещи, постанывая и выворачиваясь, то и дело причиняя себе боль. Острые иглы простреливают куда-то в затылок, и я накрываю его рукой, вспомнив о повязке. Медленно отдираю, почти не чувствуя, как вместе с пластырем лишаясь волос. Но сейчас эти ощущения не идут ни в какое сравнение с теми, что стягивают мою грудную клетку. Отодрав, рассматриваю бинт, пропитанный потемневшей кровью, а затем вновь себя исследую. Нечто, похожее на рубец, хорошо прощупывается.

И теперь у меня есть возможность осмотреть себя более детально. Зрелище так себе... Даже на лобке имеется фиолетовый синяк, свидетельствующий о беспорядочном избиении Артёма. Или это ненастоящее имя? Нужно спросить у Клим, но мне почему-то кажется, что для каждой из нас он был разным.

Вхожу в душевую кабину. Довольно просторно и имеются поручни, которые сейчас очень кстати. Средства гигиены расположились чуть выше. Мужские, но плевать на запах, лишь бы от меня не несло сырой землёй и гнилью.

Такие простые, казалось бы, действия, почти истощили мои возможности, и я уже готова отказаться от затеи, но как только первые капли попадают на кожу, понимаю — ре-

шение было верным. Подняв голову и закрыв глаза, просто стою под тёплыми струями воды. Иногда человеку для счастья нужно быть просто чистым.

Клим. Кто он? Спаситель или человек, преследующий собственные цели? В данный момент для меня первое. Без него не выберусь. Некому позвонить, не к кому обратиться. Можно связаться со следователем и попытаться прояснить ситуацию, но в этом случае остаётся Артём и человек, люди которого приходили в мою квартиру. И последний мне видится самым опасным. А вдруг он действительно считает, что я связана с Артёмом, то есть причастна к краже чего-то ценного. Я никогда не оказывалась в подобной западне, потому что работала, платила налоги и просто жила. Кто же знал, что я могу заинтересовать профессионального вора только по причине работы риелтором.

Стараюсь просчитать варианты выхода, но они никак не просчитываются. Просто потому, что обычный человек не знает, как действовать, если столкнулся с непривычной опасностью. Безопасно рядом с Климом. Надолго ли? В любом случае выбора нет.

Простояв достаточное количество времени под потоком воды, осторожно намыливаю голову, стараясь не касаться раны на затылке. Руки слушаются с трудом, приходится согнуться, чтобы потереть тело. Нужно было выбрать джакузи... Не шевелюсь, подставив лицо под падающие капли, и жду, когда стечёт пена.

Выключая воду и, собравшись с силами, поворачиваюсь, подготовившись к следующему моменту — вытиранию. Поднимаю голову и шарахаюсь в сторону, не ожидая увидеть Клима. Успевает меня подхватить, задержав на месте. Я же часто дышу, хватаясь влажными пальцами за его плечи.

— Ты меня напугал... — наконец, позволяю себе выдохнуть.

— Нужно было меня дождаться. А если бы потеряла сознание?

— Я... — стараюсь не смотреть на него. — Поняла, что от меня не очень приятно пахнет. Хотела искупаться, пока ты уехал, чтобы не смущать и не смущаться самой.

Смущением является лишь тот факт, что я обнажена. Хотя, если учитывать значительный процент кровоподтёков, покрывающих моё тело, особо и рассматривать нечего.

— Женщины удивительные, — хватает полотенце, обматывая меня, — из последних сил будет ползти в душ, но помощи не попросит. — Второе кладёт на мою голову, аккуратно просушивая волосы. — Чтобы не смущаться... Придумала же.

— Ты не обязан со мной возиться.

— Я уже с тобой вожусь, — обхватывает меня и приподнимает, переставляя на полотенце. — Проблемой больше, проблемой меньше — не критично.

— Как всё просто у тебя, — ухмыляюсь, позволяя Климу вытирать себя. — Словно ты привык решать проблемы

незнакомых женщин.

— Ты мне знакома. За пять месяцев я многое о тебе узнал.

В мыслях проносятся мои монологи и то, чем я делилась. Ничего тайного и ужасающего: стандартные сложности обычного человека.

А затем Клим поднимает меня в позе солдатики и несёт в комнату, осторожно опуская на диван. Мгновенно растекаюсь, осознав, что обратно вряд ли дошла бы самостоятельно. Вовремя он приехал.

— Ты уже отработал?

— Да, — стягивает свитер через голову, откидывая в сторону, а затем внимательно меня осматривает. — Сейчас принесу чистую футболку.

Предлагает свою, сняв с меня полотенце и помогая надеть. И так хорошо, потому что и тело, и одежда чистые. Кажется, я избавилась от нескольких килограмм в душе.

— Ещё бы волосы расчесать, но, скорее всего, сама не смогу.

Прикрываю глаза, а через пару минут чувствую, как исчезает полотенце. Клим, вооружившись расчёской с крупными зубцами, осторожно делает то, что мужчинам несвойственно. Затихаю, позволяя ему сражаться с запутавшимися волосами.

— Не больно?

— Нет, — отвечаю тихо. — Не знаю, стоит ли наложить новую повязку.

Свой затылок рассмотреть я точно не смогу, и лишь Клим способен определить необходимость обработки повреждения.

— Стоит.

Откладывает расчёску, идёт в другую комнату и возвращается с прозрачным пакетом, где собраны средства для обработки. Несколько манипуляций, и новая повязка закрывает повреждение.

— Я останусь в этом месте лысой?

— Уже, — спокойный ответ. — Алиса очистила эту область от волос, чтобы обработать и наложить повязку. Пока не отрастут, можно собирать в хвост.

— Да, можно...

Устало смотрю на него, отчаянно желая выяснить, почему он заботится о незнакомке, которая свалилась на его голову. Не решаюсь уточнить, что будет со мной дальше — завтра, через неделю или месяц, — потому как в данный момент не имею представления, как выпутаться из того, во что ввязалась не по собственной воле.

— Ты хочешь что-то спросить?

— Почему ты меня спас?

— Я этого не планировал.

Неприятно. Но правда лучше, чем размытый ответ, не дающий понимания.

— И всё же?

— Судя по изученной мной информации, до убийств ри-

елторов Артём не опускался. Но и выбранные женщины неудобных вопросов не задавали. Знакомство, отношения, а затем он исчезал. Да, какое-то время женщины совершали попытки его найти, но безрезультатно, а после продолжали жить своей жизнью. Но с тобой вышло иначе: обнаружила прослушку, поболтала со следователем, а после стала свидетелем убийства. Как только ты рассказала мне о находках, понял — ты в опасности. Такого свидетеля он точно не оставит, поэтому уже через полчаса стоял во дворе и наблюдал. Когда вы сели в твою машину, поехал следом, держался на расстоянии, чтобы не быть замеченным, но в какой-то момент сигнал GPS-трекера пропал, поэтому пришлось шарить по лесу. Дальше ты знаешь.

— Ты мог меня не спасать.

— Я принял решение быстрее, чем успел его обдумать. Времени не было. Не предполагал, что он успел отработать на тебе серию ударов.

При упоминании произошедшего, в затылочной части начинается болезненная пульсация, а рёбра сводит покалываниями. Касаюсь грудной клетки, скривившись и зажмурившись, а когда немного отпускает и открываю глаза, стул Клима оказывается пуст. Он появляется через минуту с повязкой в руке, предлагая мне встать и вновь стянуть грудную клетку. Я снова в тугом плену с невозможностью свободно дышать.

— Сколько её нужно носить? — Указываю на повязку.

— Алиса сказала хотя бы дней десять.

— А что ещё сказала Алиса?

— Что у тебя крепкие кости, иначе так легко не отделалась бы.

— Легко? — хочу возмутиться, но сил на это уже нет.

— По сравнению с теми, кто оказывается у них на столе — легко.

— А *кто* оказывается? — Внимательно смотрю, ожидая ответа от мгновенно напрягшегося мужчины. Вероятно, я задаю неудобные вопросы, но хочу знать, почему оказалась у Алисы и Германа, а не в больнице. — Они врачи, и это я поняла, но необычные, верно?

— Они помогают тем, кто не может обратиться в официальные медицинские учреждения. — Губы Климá смыкаются в тонкую линию, а сам он вибрирует от напряжения, всем видом показывая, что сейчас я ступаю туда, куда меня не приглашали.

— А такие есть? Кроме государственных, существуют частные клиники и кабинеты врачей. — Он молчит, прожигая меня взглядом и, как мне кажется, решая, стоит ли делиться. — Клим, — обращаюсь по имени, и он немного расслабляется, — я спрашиваю не потому, что хочу донести на них.

— Даже если ты обратишься в правоохранительные органы, их не тронут.

— Почему?

— Они неприкасаемые.

— А так бывает?

— Бывает. Нечасто. И не со всеми.

И пока он настороженно следит за каждым моим движением, подгибая ноги, заняв удобную позу, и накидываю на себя плед. Ещё бы обезболивающего получить, и жизнь станет значительно проще.

— Всё болит, — рвано выдыхаю. — У тебя есть какие-нибудь таблетки?

Уже знакомый пакет, из которого он вытаскивает шприц и ампулу. Набирает, и я понимаю, что рано упаковалась в плед, потому что сейчас придётся повернуться и подставить Климу пятую точку. Что я и делаю. Молча, чтобы не нервировать мужчину.

— Минут через двадцать отпустит. Алиса дала список, приобрёл в аптеке. — Закрывает пакет, откладывая на тумбочку и стоя ко мне спиной. Пауза, словно подготовка к чему-то важному. — Герман и Алиса — врачи, принимающие всех в любое время дня и ночи. Как правило, их клиентами являются те, кто имеет проблемы с законом, находится в розыске или не желает объяснять, где и при каких обстоятельствах получил повреждения. Их помощь стоит дорого, но никто не спорит о цене, потому что, если не помогут они, никто не поможет.

— А если к ним придёт полиция?

— Не придёт, — качает головой. — И они никуда не пой-

дут.

— Почему?

— Потому что есть правила, которые никто не нарушает.

— Так не бывает, — вступаю в спор, который мне не под силу. — И два человека не всегда способны сохранить тайну, а уж множество...

— Вера, — повышает голос, показывая, что вопросы, как и я сама, его нервируют, — есть твой мир, — указывает на меня пальцем, — а есть тот, в котором живут по своим правилам. Не мы их придумали, не нам их менять. Ты либо встраиваешься в этот мир, либо он тебя размажет. Выбор всегда есть.

— И какой он, этот мир? — Шепчу, не до конца решив, а хочу ли я знать?

— Мир, в котором право силы превосходит любой другой вид права.

— А кто ты в этом мире? — Вопрос вылетает быстрее, чем я успеваю осознать — пора заткнуться.

— Его часть.

— Ты сказал, что работаешь грузчиком. Или это прикрытие?

— Прикрытие. Временное. И закончу я с ним через пару недель.

— Почему?

— Потому что по правилам я должен иметь официальное место работы и жительства.

— По чьим правилам?

— Инспектора по надзору за условно-досрочно освобождёнными.

Сглатываю, потому что становится понятно: передо мной человек, который отбывал срок в тюрьме. За что? Стоит спросить или лучше молчать, чтобы не провоцировать мужчину, спасшего меня от смерти?

— Ты сидел в тюрьме?

— Да.

— За что?

— За убийство, — произнеся это, Клим склоняет голову набок, словно ожидая определённой реакции.

— И кого ты убил?

— Говорят, что жену.

— А ты убил?

— Нет.

— Но тебя осудили?

— Да.

— Почему?

— Потому что... — выдыхает со свистом и опускает лицо в ладони, — я честный идиот.

А я не знаю, что сказать. А стоит ли? С ужасом понимаю, что передо мной человек, лишивший жизни супругу. И чем он отличается от Артёма, который планировал расправиться со мной? От Клим не исходит угрозы, да и он мне помог, но кто сказал, что на лице у человека должно быть написано

«убийца»? Если бы он не поделился деталями своей биографии, ничего подобного я не предположила бы. Можно приравнять честность к невиновности?

— Невиновных не сажают. — Кажется, произношу нечто умное, но выражение лица Клима говорит об обратном. — Или сажают? — Он молчит, позволяя самостоятельно прийти к ответу. — И какой срок ты получил?

— Семь лет и пять месяцев.

— А сколько пробыл в тюрьме?

— Пять лет восемь месяцев. Адвокат подал на апелляцию, её удовлетворили.

— Потому что ты исправился?

— Потому что усердно работал и не нарушал порядок.

— А когда ты освободился?

— Десять месяцев назад.

И если мне не изменяет память, почти сразу Клим стал наблюдать за Артёмом. Неужели последний причастен к чему-то ещё, кроме воровства и попытки убийства меня?

— Артём как-то связан с убийством твоей жены?

Удивление, как показатель: он не рассчитывал, что я так быстро приду к верному выводу.

— И да и нет.

— Это как?

— Вера, тебе это не нужно.

Так мне намекают, что пора заткнуться и не лезть не в своё дело. Я должна быть благодарна за спасение и заботу со

стороны Клима. Он рисковал, когда вытаскивал меня и вёз к Герману и Алисе. Рискует и сейчас, когда делиться деталями биографии. Не самыми положительными, кстати. Ему бы бежать от проблем, а он ими обзавёлся в моём лице.

— Почему ты решаешь за меня?

— Потому что ты и так по уши в дерьме. Лимит превышен.

И я с ним согласна, но...

— Я оказалась в нём не по своей воле, и теперь не понимаю, как выбраться. Может, ты скажешь?

— Сейчас нет.

— Почему?

— Потому что у меня нет решения, — разводит руками. — Да, я позволял тебе делиться переживаниями с тишиной в трубке, но приближаться не планировал. В какой-то момент из твоей жизни пропали бы Артём, а заодно и входящие со скрытого номера. Возможно, ты искала бы его, как и остальные, а, возможно, быстро забыла и утешилась в объятиях кого-то другого. В любом случае просто жила дальше и никогда не узнала бы, по какой причине появились мы оба. Это, — указывает на меня, а затем обводит комнату рукой, — незапланированный момент. Исходя из озвученных ранее причин, вернуться к привычной жизни прямо сейчас ты не можешь, но и рядом со мной тебе не место.

Последняя фраза, после которой он оставляет меня наедине с мыслями. Не самыми позитивными. Укутавшись в плед,

нахожу максимально удобное положение и закрываю глаза. Перемалываю всё, что было сказано за прошедшие полчаса, по какой-то причине откидывая подальше факт отбывания Климом срока в тюрьме и сосредоточившись на последнем предложении.

«Рядом со мной тебе не место». Просто и понятно. И я с ним согласна, вот только имеется нюанс: мне некуда идти. Если сейчас он вышвырнет меня из своего дома и жизни, я встану посреди дороги и буду стоять, пока не погибну или же, пока не найдётся ещё один Клим, который проявит жалость. А это именно она, если я верно поняла.

Что делать, если не знаешь, что делать? Странно и одновременно страшно. Ни документов, ни денег, ни места, где я могу прийти в себя. Уехать в Астрахань? Но для того чтобы это сделать, необходимо вышеперечисленное, да и где гарантия, что меня не будут там искать. Нужно предупредить своих, что обо мне будут спрашивать. Или же, наоборот, не стоит связываться?

Голова лопается от предположений и непонимания, в каком направлении двигаться. Ситуация, в которой я оказалась, страшна сама по себе тем, что я попала в мир, привычный для Клим, но неизвестный для меня. И только с помощью такого, как он, есть шанс выпутаться. Он меня спас, помог и привёз в свой дом, а вот копаться в куче моих проблем не обязан. Да и не нужно ему это...

Он испытывает лишь сочувствие по отношению ко мне.

Иногда после завершения звонка со скрытого номера, я позволяла себе думать, что звонивший интересуется мной по причине симпатии. Большинство сталкеров действуют, исходя именно из таких мотивов, но встретившись с Климом лично, иллюзия разрушилась. Как правило, ради небезразличных нам людей, мы готовы на сильные поступки, и будь я ему хоть немного симпатична, он бы постарался, но...

Я могу лишь попросить и ничего не могу предложить взамен. Услуги повара ему не нужны, уборщицы, видимо, тоже. Да и вообще, он может быть связан отношениями. Клим на свободе десять месяцев, а этого достаточно, чтобы возобновить личную жизнь. Не удивлюсь, если я отягощающий элемент, не позволяющий какой-нибудь женщине, заявляться в его дом. Нужно проявить смелость и проговорить этот момент, предложить любую помощь со своей стороны, чтобы иметь возможность быть квартирантом на неопределённый период.

И пока прокручиваю варианты, что могу предложить мужчине, обезболивающее действует, а я проваливаюсь в сон. Страшный сон. И в нём Артём с перекошенным яростью лицом наносит мне удары. Вновь ощущаю раздражающую боль, прокатывающуюся по телу, и, кажется, слышу хруст костей, едва сдержав тошноту от непривычного звука. Он что-то кричит, но я не слышу, думая лишь об одном — выжить. Закрыться, убежать, исчезнуть — всё что угодно, лишь бы издевательства прекратились. Пылающий очаг вни-

зу живота заставляет принять позу эмбриона и ждать передышки. Убираю ладонь, и взгляд упирается в кулон, словно маятник, раскачивающийся перед моим лицом. Хочу его схватить, но предмет ускользает. А затем снова боль и мой крик...

— Вера!

Кто-то зовёт меня по имени и трогает за плечо, обжигая касанием. Издаю шипение, отдалившись от руки, но спиной упираюсь в преграду.

— Вера, проснись!

Меня сильно встряхивают. Распахнув глаза, вижу лицо Климa. Пульсация в области затылка и затруднённое дыхание не сразу позволяют настроить фокус. Наполненный тревогой взгляд и частое дыхание, дают понять, что разбудил он меня не с первого раза.

— Ты кричала. Что снилось?

— Тот вечер... то есть, ночь в лесу... И Артём, избивающий меня. — Перевожу взгляд в потолок, только сейчас отметив, что он голубой. — Три дня мне ничего не снилось...

— В этом и прелесть первых дней после сильных травм: проваливаешься в темноту и плаваешь в вакууме. Защитная реакция организма, который ограждает себя от новых потрясений.

— А потом? — Всё ещё не смотрю на него.

— Снова и снова проживаешь травмирующий момент.

— Это проходит?

— Да. Но когда, ответить тебе не смогу.

— Когда отпустило тебя? — Почему-то уверена, что задаю правильный вопрос.

— Через год.

— Год... Долго.

— У каждого события своё время.

— Твоим было убийство жены?

Тишина как подтверждение. Можно ли сравнить потерю человека и физическое насилие? На мой взгляд, нет. Потому что я жива, а вот жена Клим нет.

Наконец, поворачиваю голову и смотрю на него. Тоска. Бесконечная тоскливая пропасть на дне потухшего взгляда, как доказательство, что сейчас он мысленно в своём травмирующем моменте. Пережил ли он его, смирился, вступил в новый этап? Ответа не будет. Не для меня.

Моя ладонь зажата в его тёплой, словно я цепляюсь за спасательный круг, молчаливо умоляя о помощи. А ещё меня слегка потряхивает, лицо влажное от слёз. Хочу всхлипнуть, но вовремя вспоминаю, что подобного делать нельзя, поэтому отталкиваюсь, чтобы сесть, а Клим помогает.

— И как теперь спать? — Произношу в пустоту, позволив себе глубоко дышать.

— Иногда нахождение кого-то рядом помогает почувствовать себя в безопасности.

— У меня никого нет.

— Есть я.

Не ждёт одобрения, поднимает меня и несёт в спальню. Ту самую, где я впервые пришла в себя. Кладёт на кровать, замотав в плед, а сам ложится на свободной половине. Тусклый свет небольшого ночника гаснет, а я лежу в темноте, прислушиваясь к дыханию Клима. Он рядом и одновременно далеко, поэтому осторожно переворачиваюсь на другой бок, подползаю к мужчине и, уткнувшись лицом куда-то ему в плечо, мгновенно проваливаюсь в сон.